

Евгений Некрасов
Мария Некрасова

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ 67

Те, кого не видно
Проклятое место
Когда приходит Тварь
Ночные гости

Мария Евгеньевна Некрасова
Евгений Львович Некрасов
Большая книга
ужасов – 67 (сборник)
Серия «Большая книга
ужасов», книга 67

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18082694
Большая книга ужасов – 67: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-86081-4

Аннотация

Евгений Некрасов «Те, кого не видно»

Моя сестра обожает истории о чудесах, принцессах и принцах. Сочиняет их целыми днями. Ее можно понять: Мышка болеет и часто сидит дома. Из-за ее болезни мы и приехали летом в тайгу – дышать чистым целебным воздухом. И тут, за много километров от цивилизации, столкнулись с настоящим чудом. Или чем-то очень похожим. Но необычные существа, о которых мы случайно узнали, совсем этому не рады. Они готовы сохранить свою тайну любой ценой, например ценой наших жизней...

Мария Некрасова «Проклятое место»

Кирия не знал, почему его вдруг потянуло к этому дому. Старая развалюха стояла на краю деревни много лет, а потом мальчик зашел туда, залез в подпол... и нашел в тайнике чей-то ноут. Включенный в розетку, древний комп заработал как ни в чем не бывало. И теперь Кирия читает дневник парня, который жил когда-то в его деревне и ходил в его школу. А вокруг творятся странные вещи: падают сами собой предметы, отключается электричество, из леса бегут животные. На улицу выходить страшно – запросто наткнешься на волка. Кирия почти уверен: эти события связаны с дневником...

Мария Некрасова «Когда приходит Тварь»

Раз в месяц, когда приходит полная луна, Ира остается дома одна, вешает на двери замок, а на окна – железные скобы и цепь и ждет. Ее родственники всегда уезжают из дома заранее, чтобы, не дай бог, не увидеть... Соседи потом целый месяц вспоминают, как шумно было в их квартире: звенело бьющееся стекло, стены содрогались, когда по полу скакало что-то тяжелое. Но Ира всегда отговаривается, мол, друзей в гости приглашала. На самом деле друзей у нее нет. Она одинока. У нее есть только она сама и... Тварь.

Мария Некрасова «Ночные гости»

Ира привыкла быть собой – и быть чудовищем. Тварью.оборотнем. Насколько к этому можно привыкнуть. Научилась контролировать зверя и влиять на обычных людей с помощью гипноза. Это очень помогает, когда хранишь действительно страшный секрет... Но ни Ира, ни Тварь не были готовы к встрече с другими чудовищами. Те, другие, пахнут холодной кровью и испорченным мясом. Они умерли, но на первый взгляд не отличаются от живых, особенно если только что выпили крови...

Оказывается, война между вампирами и оборотнями идет много веков. И если ты один из них, никто не спросит тебя, хочешь ли ты воевать.

Содержание

Евгений Некрасов. Те, кого не видно	7
Глава I. Все пополам	7
Глава II. Загадка игрушечной шпаги	11
Глава III. Кто ее взял?	17
Глава IV. Про великанов, драконов и эльфов	26
Глава V. В поисках мертвой собаки	34
Глава VI. Что случилось с Веником	40
Глава VII. Я снимаю шкуру	43
Глава VIII. Подарок Гематогена	47
Глава IX. Эльфы начинают атаку	51
Глава X. Пчелиный яд	58
Глава XI. Легче не становится	63
Глава XII. Убежище Гематогена	70
Глава XIII. Абсолютное оружие	77
Глава XIV. Часы эльфов	82
Мария Некрасова. Проклятое место	85
Глава I. Место, где ты живешь	85
Глава II. Дневник американского шпиона	96
Конец ознакомительного фрагмента.	108

**Мария Некрасова,
Евгений Некрасов**

Большая книга ужасов – 67

© Некрасова М., Некрасов Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Евгений Некрасов.

Те, кого не видно

Глава I. Все пополам

Тайга пахла разогретой на солнце кедровой хвоей и тысячью трав, из которых я не знал и десятка. Мы с Мышью валялись на бревнах, сложенных за домом в неровный штабель, и смотрели, как старик Гематоген одной левой колет дрова. Правая у него была замотана тряпками с проступившим пятном травяного отвара.

Бревна для новой избы срубил сын старика. На таежной опушке была его могила с начавшим сереть от дождей дубовым крестом, а больше ничего мы о нем не знали. Теперь Гематоген пустил непостроенную избу на дрова.

Он устанавливал на колоде полено, брал из травы колун и бил, как всадник шашкой, описывая рукой полный круг. Когда тупой нос колуна рассаживал полено на две одинаковые горбушки, я представлял, что могло быть, если бы на месте полена оказалась моя голова. Мышь однажды призналась мне, что думает о том же. Хотя Мышь по своей детской безбашенности почти ничего не боится.

Из-за покалеченной руки Гематоген делал много лишних

движений: взять колун, ударить, поставить колун... подобрать разлетевшиеся половинки полена... взять колун. Нам с Мышью ничего не стоило бы подавать ему поленья или сложить наколотые дрова, но Гематоген шарахался от нашей помощи. Он отвык от людей и, если заговорить с ним, впадал в тихую панику. Лицо у него становилось несчастное, глаза рыскали, как будто Гематоген искал, куда бы смыться. В конце концов мы перестали с ним разговаривать. Нужна, скажем, пила – найдешь сам, покажешь, он кивнет. Кладешь на место – опять покажешь, Гематоген опять кивнет.

Он молчал неделями, не чувствуя никаких неудобств. Его лайка привыкла, что хозяин подает команды свистом, и удивлялась человеческой речи.

Сами понимаете, мы не считали Гематогена душой общества, да и ему вряд ли нравилась наша компания. Мы сошлись поневоле. Мыши нужен был воздух кедровой тайги, чтобы вылечить астму, Гематогену – наши деньги, чтобы пережить зиму. Раньше он охотился и отдавал звериные шкурки вертолетчику Болтунову в обмен на соль, крупу и другие припасы. Но с покалеченной рукой Гематоген уже не мог ни стрелять, ни ставить капканы. Тогда Болтунов подыскал ему квартирантов – Мышь с астмой, папу и меня.

Уже через неделю мы начали жалеть, что не нашли кедровую тайгу поближе к магазинам и подальше от полусумасшедшего старика. Но вертолетчики обещали вернуться за нами только в конце августа. Изменить мы ничего не мог-

ли, оставалось научиться жить с Гематогеном, не мешая друг другу.

Изба еще до нас была разделена перегородкой. По молчаливому соглашению мы поделили все остальное. Огород и тайга от Гематогеновой половины избы до Красноярска принадлежали старику, а нам осталась тайга до Байкала и лужайка с бревнами, на которых было удобно валяться.

Итак, мы валялись и смотрели на мучения Гематогена. Не знаю, как Мышь, а я чувствовал, что мы раздражаем старика и надо бы уйти валяться в огород. Но, с другой стороны, неизвестно, как Гематоген посмотрит на то, что мы начнем от него бегать. Поэтому я не решался уйти.

Из тайги, юля и тьявая, примчалась лайка Гематогена. Старик бросил колун и посмотрел в нашу сторону. Мы поняли скорее не его, а лайку: что-то случилось.

– Веник! – ссыпаясь с бревен, крикнула Мышь и побежала.

Метрах в десяти за лайкой шевелилась трава. Подпрыгивая, чтобы лучше видеть, к нам на трех лапах семенил Мышкин тойтерьер Веник. Я бы не подал руки тому, кто вывел эту вечно больную, жалкую, озлобленную породу. Но из-за Мышкиной астмы нам нельзя было держать собаку больше рукавицы.

Подхватив Веника на руки, Мышь стала ощупывать его больную лапу, и Веник, разумеется, ее тяпнул. Без этого у нас

никак: надо покапризничать, покусаться, а потом с несчастной мордой отдать себя на растерзание палачам. Мышь зажала ему пасть, забралась ко мне на бревно, и мы занялись лечением. Веничке было подуто на лапочку, велено не огорчать мамочку, и наконец герой, закатывая глаза и скуля, позволил разглядеть свою рану.

Между собачьих пальчиков торчала рукоять крошечной шпаги.

Глава II. Загадка игрушечной шпаги

Удивляться было некогда. Я стал держать Веника, Мышка примерилась, ухватила рукоять ногтями и дернула. Тонкая струйка крови брызнула ей на футболку. Шпага была всажена в кровеносный сосуд с удивительной точностью, как игла шприца.

Ранку прижгли йодом, Веник еще с минуту посидел у Мыши на руках и стал вырываться. Его ждала старикова лайка. Она была настоящей охотничьей собакой с порванными в схватках ушами. Может быть, лайка принимала Веника за своего щенка или, наоборот, уважала мужскую суть в его тщедушном тельце, но разлучить эту парочку было невозможно. Они целыми днями пропадали в тайге, и только спать Веник приходил к Мыши в постель.

Собаки убежали, а мы стали рассматривать шпагу. На первый взгляд это была игрушка – вроде тех, которыми вооружают коллекционных солдатиков. Я бы мог такую сделать из расплющенной булавки, только не сумел бы заточить до нужной остроты. Шпага оставляла на ногте царапины и легко срубала травинки.

Если бы она попалась нам в городе, то через пять минут мы воткнули бы шпагу в подушечку для иголок и забыли о ней. Но вокруг была тайга. Это делало нечаянную находку Веника загадочной и даже таинственной. Кто мог потерять

игрушечную шпагу там, где некому играть в солдатики? Сын Гематогена, когда был маленький? Но шпага выглядела новенькой, тонкий клинок сиял как зеркало. Старик тем более не годился в собиратели солдатиков. Вертолетчики, которые прилетают раза три в год, чтобы поохотиться и забрать у Гематогена таежный товар? Ой, вряд ли.

Мы пошли в избу, вывинтили одну линзу из папиного бинокля и разглядели шпагу получше.

Нет, я зря хвалился, что могу сделать такую же. Под лупой стало видно, что защищающая руку гарда у шпаги не сплошная, как у спортивных рапир, а сплетенная из тончайших металлических кружев, уже кое-где смятых нашими грубыми пальцами. Вдоль клинка шла полукруглая выемка для облегчения шпаги – их называют долами. А на дне дола различались мельчайшие царапинки, чересчур тонкие, чтобы хорошенько рассмотреть их даже под лупой. Мышь первая заметила, что царапинки четко разделялись на три группы с одинаковыми пробелами. Надпись! На старинных клинках они встречаются: кто гравировал свое имя, кто – годы сражений, в которых участвовал, или девиз: «Береги честь смолоду», «Без нужды не вынимай»...

Игрушка оказалась не детской. Такие штуки месяцами делают под микроскопом и выставляют в музеях.

Зазвенел будильник, поставленный папой на половину первого. Для нас с Мышью началась ежедневная поварская каторга. Собрать хворост, порубить, вскипятить на костре

котелок, сварить суп из пакетиков – на все уходило часа два, а съедался суп за пять минут. С примусом было легче: только поставил воду, как она уже кипит. Но в новенькой сорокалитровой канистре с бензином оказался заводской брак – микроскопическая дырочка. Мы слишком поздно заметили бьющую из нее струйку толщиной с волосок. Остатки бензина слили в банку и берегли на случай плохой погоды, а пока готовили на костре. Гематоген однажды промычал, что можно и у него на печке, но мы тогда постеснялись, а второго приглашения не дождались.

Когда мы опять проходили по лужайке за домом, Гематоген продолжал орудовать колуном. Работал он уже часа четыре, неуклюже и безостановочно, как сломанный робот.

В кустах на краю лужайки мы наткнулись на остатки собачьего пиршества: вывернутую шкурку и хребет какого-то зверька. Гематоген совсем не кормил свою лайку, у нее даже не было миски для воды. Наш Веник, познакомившись с охотницей, стал воротить нос от своего сухого корма.

– А ты переживала: «У Венички пропал аппетит, Веничка заболел»! – поддразнил я Мышь.

Она прошла, отвернувшись, чтобы не видеть шкурку. По сумрачному лицу Мыши было ясно, что Веник сильно упал в ее глазах.

В тайгу вела слабо натопанная тропинка. Судя по низко нависшим веткам, проложил ее какой-то зверь. Лайка скорее

всего.

– Надо поглядеть, куда они бегают, – объяснила Мышь, становясь на четвереньки.

– Хочешь знать, от кого Веник получил удар шпагой?

Мышь кивнула с серьезным видом:

– Знаешь, Толя, мне кажется, там средневековый город с замком, на окраинах ветряные мельницы. По улицам ходят гвардейцы чуть повыше указательного пальца, на головах у них шляпы с черно-белыми перьями из крыла синицы, и когда они раскланиваются с дамами, эти перья метут мостовую. Улицы в городе узкие, чтобы еле мог проехать всадник на полевой мыши, а в центре одна широкая дорога. Ведет она к замку, и по этой дороге...

– ...бегает Веник, чтобы задрать на замок лапу, – ляпнул я и тут же пожалел об этом.

У меня одна сестра, и она болеет. Когда на улице мороз, Мышь сидит дома, потому что ей нельзя простужаться. Когда цветут тополя, она тоже дома с закрытыми окнами, потому что тополинный пух для нее гибель. Сидит сочиняет сказки о принцессах, драконах и принцах. Принцесса томится в замке и ждет, чтобы принц ее освободил. Дракон живет в пещере и тоже ждет принца, чтобы его съесть. А принц все не едет.

– Прости, – сказал я Мыши и тоже встал на четвереньки, потому что иначе по собачьей тропе было не продраться. Она вела в самые заросли, и кусты смыкались над ней.

Лазили мы с полчаса. Кое-где над тропой появлялись про-светы, и мы вставали на ноги. Потом заросли сгущались, и приходилось опять опускаться на четвереньки, собирая на ладони хвою и раздавленных муравьев. Тропа петляла по ку-стам вокруг избы. Удары старикова колуна раздавались то ближе, то дальше, но ни разу мы не отошли так далеко, что-бы совсем их не слышать.

В конце концов Мышь нашла на земле кровь и решила, что здесь Веник и напоролся на шпагу. Она даже рассмотре-ла ямку, в которой шпага торчала острием вверх. Но я видел, что крови было многовато для ранки Веника. Скорее всего, здесь лайка задавила лесного зверька.

Идя на удары колуна, мы проломились сквозь заросли и вышли к могиле. Крест был без надписи: старик и так знал, кто под ним похоронен, а больше никто тут не бывал, кроме летчиков.

Мышь расстроилась. Однажды она положила на могилу цветы, а старик их выбросил. С тех пор она боялась его рас-сердить и не подходила к безымянному кресту.

Мы опять вломились в кусты и, набрав негодных для ко-стра сырых веток, вышли к дому с другой стороны.

Костер я разжег, плеснув бензина. Мышь в избе разбирала наши припасы и спрашивала из окна:

– Толь, суп вермишелевый с мясом будем? Или лучше с

курицей?

Я сказал, что мне все равно. И мясо и курица были бурыми комочками, неотличимыми по вкусу.

И вдруг Мышь спросила:

– А где шпага?

Почему-то я сразу понял, что шпага пропала навсегда, и не удивился. Когда мы разглядывали ее под вынутой из биннокля линзой, меня не оставляло ощущение полусна-полуживости. Я мог представить эту шпагу лежащей на бархате в прозрачной коробочке со специальной увеличительной крышкой. А с деревенским столом из грубо оструганных досок она не вязалась. Возникла чудом – и пропала чудом.

Глава III. Кто ее взял?

Мышь не сомневалась, что шпагу взял Гематоген. Взял так взял, мы не имели ничего против. Здесь все вокруг его, и шпага, выходит, его. Хотя и странно, откуда у таежника такая редкая штука.

На всякий случай мы облазили на четвереньках пол и проверили все места, куда могли воткнуть шпагу, чтобы она не потерялась, а потом забыть. Нет. Пропала.

Тут я вспомнил, что, бродя по собачьей тропе, мы все время слышали удары колуна. Чтобы зайти к нам и взять шпагу, старику нужно было минуты две, а удары раздавались непрерывно. Загадка.

Мы сидели у костра с котелком, подбрасывали веточки и молчали.

– Я пойду и спрошу, – сказала Мышь.

– А он не ответит.

– Почему?

– Это ты у него спроси, почему он никогда не отвечает.

– Все-таки отвечает иногда, – вступилась за Гематогена Мышь. – Знаешь, Толя, он как Маугли. Мне кажется, что зимой к его дому приходят волки и он с ними разговаривает. Он просто из другого мира, поэтому не всегда нас понимает. Так что пойди и спроси, – неожиданно закончила Мышь.

– Почему я? Ты же сама хотела!

– Потому что мне страшно.

– Зато тебе он чаще отвечает.

Мы стали вспоминать, и оказалось, что Мыши он отвечал почти на все вопросы, причем называл ее Марией и говорил длинно (длинно для Гематогена). А мне говорил: «Там», «Вот», – а чаще показывал пальцем.

– Ладно, – согласилась Мышь, – только ты меня подстраховывай.

– За руку держать, что ли?

– Ну, не за руку, а будь рядом.

И мы пошли. Удары колуна уже минут пять как смолкли. Обогнув избу, мы увидели, что Гематоген складывает дрова в поленницу. Мышь вышла вперед и начала:

– Гемато... Гермоген Пантелеевич!

Старик не торопясь положил полено и обернулся.

– Гермоген Пантелеевич, а это не вы... – в последний момент Мышь все-таки струхнула и вывернула вопрос по-другому: – А у вас нет игрушек?

Гематоген молчал. Его коричневое от загара морщинистое лицо было похоже на дубовый пенёк.

– Петины, – наконец вымолвил он. Мы поняли, что Петей звали его сына. – На чердаке. Играй.

– Большое спасибо, Гермоген Пантелеевич! – дрожа бантиками, выкрикнула Мышь как на детском утреннике.

– Эх ты, бояка, – сказал я, когда мы отошли. – Почему прямо не спросила про шпагу?

– Испугалась. Ты ведь тоже не спросил, а обещал меня подстраховать. Вернешься, спросишь?

– Нет уж, – отказался я. – Гематоген и без меня сегодня заболтался, может горло сорвать с непривычки. Скорее всего, мы сейчас и так узнаем, его это шпага или нет.

– Если она из набора, тогда конечно, – согласилась Мышь. – Может, найдем от нее пистолетик. Или кинжал.

Мы разыскали в сарае приставную лестницу, втащили в избу и через люк с заржавленным засовом поднялись на чердак. Судя по слою пыли, сплошь покрытому крапинами мышиных следов, Гематоген здесь не был много лет.

– Я пошла назад, – разочарованно сказала Мышь, но осталась у люка. Ее астма не любит пыли. Мышь сразу краснеет, начинает задыхаться и пшикать в рот из баллончика, только лекарства ей плохо помогают.

– Гляди оттуда, а будет плохо, сразу выскакивай из дома, – посоветовал я.

– Разберусь, – буркнула Мышь.

На чердаке стоял полумрак. Нагибаясь под гамаками паутины, я дошел до светового оконца и распахнул его настежь. Косой солнечный луч ворвался на чердак. В нем плясали пылинки. Внизу Гематоген поднял голову на стук раскрытой рамы – и, конечно, промолчал.

– Странно, у меня даже слезы не текут, – заметила Мышь. – Может, в тайге другая пыль?

Я оглядывался. Под седой кисеей паутины проступали очертания древних радиоприборов с лампами и циферблатами.

Мышь сказала:

– Рация.

– У Гематогеши?!

– А что, Гематогеша не человек? Здесь была метеорологическая станция, он сидел и передавал по радио, какая погода в тайге. А потом его заменили на спутник. Из космоса же лучше видно.

Мне всегда казалось, что старик не сумел бы освоить ничего сложнее колуна.

– Не знал, – выдохнул я.

– Потому что ты не любопытный. А я все-все спросила у Болтунова. Надо же было знать, куда нас везут. Только все равно получился как бы обман, – вздохнула Мышь. – Болтунов говорил: «Бывшая метеостанция», «Погоду по всей трассе давали», а тут избушка на курьих ножках и старик сидит, керосин экономит. Мне представлялось, что все посерьезней. А Петя служил в армии прапорщиком и хотел забрать Гематогена к себе. Гематоген говорит: «Никуда не поеду, я тут привык». Тогда Петя решил ему хотя бы новую избу построить, но его укусила гадюка, вот...

Мышь журчала без перерыва. Я понял, что она опять сочиняет, и слушал вполуха. Так, рация, стул с провалившимся плетеным сиденьем, покрытый пылью толстый журнал на

столетие... А это что? Сундук. Раньше я видел их только на картинках в детских книжках, где царь Кощей над золотом чахнет.

Сундук был высотой мне по пояс, с горбатой крышкой, окованный железными полосами. Я вывернул из дужек незапертый замок и приподнял крышку. В глаза бросились какие-то не то юбки, не то платья из ситца с блеклыми цветами. Стало неловко, как будто я подглядел чужую жизнь.

– Что там? – спросила Мышь.

– Женские вещи. Раз был сын, то и жена была. Тоже умерла, наверно.

Я закрыл сундук и пошел дальше. Вот вместилище поновее – чемодан из картона. У нас такой стоит в чулане, папа называет его фибровым. Наверное, фибр (или фибра?) это и есть плотный картон.

– Оно, – сказал я, приподняв крышку. Сверху в чемодане лежали детские коньки и сдутый футбольный мяч.

– Тащи сюда! – скомандовала Мышь.

Я еле оторвал чемодан от пола, такой он был тяжелый. Помимо коньков и мяча в нем нашелся целый склад солдатиков, машинки непривычного вида и железная дорога с заводным паровозом. Солдатики были самые обычные, с грубо зачищенными заусенцами от литья, покрашенные облупленной зеленой краской с ярко-розовым пятном лица. Машинки тоже не блистали тонкостью отделки.

Мышь покачала головой и вслух высказала то, что думал

и я:

– Может, шпагу взял и старик, но она не из этого гарни-турчика.

Из вежливости она отложила себе поиграть несколько солдатиков и пластмассовую машинку, похожую на «Фольксваген-жук». Я в жизни не видел таких примитивных игрушек. Окна даже не прорезаны, а нарисованы серебрянкой; на днище глубоко выдавлена цена – «7 коп.».

Как водится, мы показали игрушки Гематогену, тот кивнул – можно.

– Большое спасибо, Гермоген Пантелеевич! – отчеканила Мышка. Спросить про шпагу она опять постеснялась.

Надо еще сказать, что, пока мы были в избе на половине Гематогена, я заглянул на посудную полку и на печь, проверил стол, подоконник – словом, все открытые места. Интересовала меня не столько даже шпага, сколько признаки того, что старик делает миниатюрные вещи. Микроскоп сказал бы очень многое. Или необычные инструменты: рукоятка у них должна быть нормальной величины, а рабочая часть – крошечная. Наконец, следы, которые остаются от работы: царапины, металлические опилки, ожоги от расплавленного припоя на столе – или скорее на подоконнике, где светлее. Но нет. Самым тонким инструментом был оселок для косы. Непонятное приспособление, валявшееся на тумбочке, оказалось, как я понял, машинкой для набивки охотничьих патронов.

Сделать шпагу старик не мог. Купить? Боюсь, что крохотная безделушка была дороже всего имущества в доме. Для человека, который еще недавно торговал шкурками, Гематоген жил очень бедно. Гардеробом ему служил занавешенный шторкой угол за печью. Самые ценные вещи – древний карабин с оптическим прицелом да два охотничьих ружья – висели над кроватью. Была еще самодельная тумбочка, но туда я не полез – надо же совесть иметь. Скорее всего, старик хранил там нижнее белье, потому что нигде больше не было места, закрытого от любопытных взглядов.

Загадка шпаги осталась загадкой.

Тут из тайги пришел папа с этюдником и волочащимся по траве ружьем. Ружье навязал ему Гематоген в бесполезной надежде, что папа кого-нибудь подстрелит. Если бы нашелся заяц-самоубийца, который подошел к папе и навел себе в сердце стволы ружья, папа сказал бы: «Отлично! Так и стойте!» И начал бы его рисовать.

Котелок наш выкипел, костер погас, а не прогоревшие ветки были вызывающе сырыми, на одной даже остались зеленые листочки. Папа глядел на это безобразие, глядел... И быть бы грозе, но в это время показался Гематоген с охапкой дров в здоровой руке. Полполена он молча сбросил у наших ног и пошел к себе.

Не дожидаясь, когда папа выскажется на тему «Кто из вас получится, если уже сейчас...», я схватил топорик и расще-

пил подарок на несколько частей. Щепки загорелись мгновенно. Через несколько минут набранная в котелок свежая вода забила ключом.

– Зови деда, – усмехнулся папа.

Обычно Гематоген отказывался от приглашений, но в этот раз, видно намучившись с дровами, сел с нами за стол, чтобы не готовить себе отдельно. Возможно даже, что его полполена были намеком: мол, мой огонь – ваш суп из пакетиков, вот и пообедаем вместе.

Суп мы заваривали густо, добавляя побольше вермишели, чтобы вышло сразу и первое и второе. Поев, Гематоген облизал свою личную ложку и спрятал ее в карман. Дождался, пока доест папа, и тогда спросил:

– Ты стрелять умеешь?

– А как же! Я в армии служил, – не без гордости ответил папа.

– А что ж не стрелял?

Папа растерялся:

– Не в кого было стрелять, Гермоген Пантелеевич. Не видел я зверя.

Гематоген присел у этюдника и открыл крышку. Под ней был закреплен еще не просохший этюд, изображавший северного оленя во всей красе.

– Нехорошо. У тебя дети, Владимир. Завтра вместе пойдем. Без яшшыка. – И старик, встав, непочтительно пнул сапогом этюдник.

Для нелюдимого Гематогена это была пространный речь. Он ушел, заметно волнуясь и шевеля губами. Кажется, повторял про себя: «Нехорошо».

Уличенный во вранье, папа молчал, розовел и наконец выдал мрачным голосом:

– Кажется, завтра в эти благословенные края придет смерть.

Никто не знал, что его неуклюжая шутка сбудется уже ночью.

Глава IV. Про великанов, драконов и эльфов

Второй раз нам чуть не влетело за разобранный бинокль. Потерялся крошечный винтик, а без него линза болталась, делая изображение то резким, то нерезким.

Мы взяли фонарик, потому что уже начало смеркаться, и залезли под стол. Мышка сразу нашла в полу щель, как будто специально сделанную для того, чтобы в нее проваливалась упавшая со стола мелочовка. Еще минут пять мы бессмысленно ползали, дожидаясь, когда остынет папа. Он расхаживал по комнате и даже начал, обращаясь к нашим пяткам: «Не знаю, кто из вас получится...» Но тут приковылял скулящий Веник, опять поджимая лапу. Сустав у него раздулся, короткие пальчики с коготками торчали врозь.

Разумеется, Веник всех перекусал, это у него было правило: если мне плохо, то пускай плохо будет всем! Под лай и завывания папа долго щупал ему лапу и решил:

– Кажется, вывих. Врачей здесь нет, придется мне самому дернуть.

Мы-то знали, в чем дело. Чтобы прекратить собачьи мучения, пришлось рассказать про шпагу.

Бинокль был снова разобран, лапа рассмотрена под увеличительным стеклом. Ранка от шпаги почти затянулась, папа нашел только бурое пятнышко подсохшей крови.

– Странно, уже нагноение, – сказал он. – Рановато... Хотя у собак обмен веществ быстрее.

Лапу замотали бинтом с ихтиоловой мазью, и пес уснул в ногах у Мышки. Мы с папой спали на матрасах, набитых сеном, а для нее привезли надувную кровать, потому что на сено у Мыши была аллергия.

За перегородкой Гематоген кипятил воду и рвал тряпки. Повязку на больной руке он менял каждый вечер, и всегда к утру на ней проступало желтоватое пятно от запястья до локтя.

Мы улеглись и погасили фонарик. Жизнь без электричества приучила нас вставать и ложиться с солнцем.

– Пап, а ты когда-нибудь видел такие шпаги? – спросила Мышь.

Кажется, папа, занятый Веником, пропустил мимо ушей половину нашего рассказа.

– Игрушечные? – спросил он, зевая.

– Не игрушечные. Там очень тонкая работа, как у того чокнутого, который блоху подковал.

– У Левши?

– У левши, у правши... В общем, дорогая штука. Таких игрушек не бывает.

– Значит, это была галстучная булавка, – сказал папа.

Мне показалось, что такое объяснение отвечает на все вопросы. Ювелирные украшения бывают очень тонкие, ведь не зря говорят «ювелирная работа». Кто потерял? Да Болтунов,

он пижон: ходит в форме гражданского воздушного флота, с галстуком. Правда, булавки я у него не видел, но ведь и не присматривался.

– Нет, – вдруг твердо сказала Мышь, – булавки всегда круглые, чтобы втыкаться в ткань, а шпага была сплюснутая и острая, травинки резала. Зачем нужна булавка, которая будет резать галстук?

– Значит, просто безделушка, – не стал спорить папа. – Вот прилетят вертолетчики, мы и спросим, кто ее потерял.

– А почему она исчезла? – зашептала Мышь.

Папа молча показал на перегородку и вскинул бровь: мол, ты на Гематогена думаешь? Мышь пожала плечами: вряд ли.

– Любопытно, – нелюбопытным голосом сказал папа. – Мне это напомнило историю про кладбище эльфов.

– Эльфы из сказок, а шпага была всамделишная, – таинственным голосом заметила Мышь. Опять начинались ее сочинялки: гвардейцы ростом чуть выше указательного пальца, в шляпах с черно-белым пером из синичьего крылышка. Жаль, я не мог оторвать доску с пола – она была длинная и уходила к Гематогену за перегородку. Не ломать же избу, чтобы доказать Мыши, что шпага провалилась в щель.

– Эльфы – да, из сказок, – подтвердил папа, – а кладбище эльфов самое всамделишное. И ножи, и другие артефакты.

– Чего? – не поняла Мышь.

– Артефакты. То, что сделано человеком, а не природой. Насчет кладбища, по-моему, до сих пор не доказано, а ножи

эльфов – реальная штука, лежат во многих музеех.

– С этого места, пожалуйста, по порядку, – строго сказала Мышь.

И папа начал по порядку:

– Видишь ли, Мышь, в науке всегда есть факты, которые пока нельзя объяснить. О них почти не говорят, потому что споры ничего не могут добавить к тому, что уже известно. Проходит время, таких фактов набирается много, и объяснение находится. Если бы триста лет назад серьезного ученого спросили, могут ли с неба падать камни, он бы категорически ответил «нет». А ведь падение метеорита наблюдал почти любой человек, который глядел в звездное небо. Ученые тогда находили этому любые объяснения, кроме правильного. Им приносили оплавленный метеорит – они говорили: «Камень земной, просто в него ударила молния». О великанах и драконах и заикаться не стоило – «сказки». Сейчас никто не сомневается в существовании доисторических великанов – гигантопитеков,¹ а про динозавров знает любой дошколенок.

С лилипутами древности вопрос пока открытый. Во многих странах находили крохотные плиты, похожие на могильные. Больше ста лет назад один ученый сказал: «Это кристаллы гипса». Он эти плиты не изучал и даже не видел, а только

¹ Гигантопитеки – самые крупные человекообразные обезьяны всех времен. Достигали трехметрового роста и весили как лошадь. В древних пещерах находят огромные каменные топоры и ручные рубила подходящего для гигантопитеков размера. Похоже, что эти гиганты были не глупее древних людей.

высказал предположение. Но с тех пор о кладбищах эльфов вспоминают только развлекательные газетки. Находили маленькие кремневые ножи, которые, несомненно, обработал человек. Ученые утверждали, что это игрушки древних детей, только тут вышла загвоздка... Кто-нибудь видел кремневые ножи?

Я сказал, что видел на картинке, а Мышь, оказывается, не видела.

– Кремень – камень, совсем не похожий на кремни для зажигалки. При сильном ударе колетя как стекло, – объяснил ей папа. – Древний мастер брал два кремня и начинал скалывать один о другой, пока не получался зазубренный треугольник. Руки у всех людей примерно одинаковые, и ножи выходили одинаково грубые. И только маленькие ножи, которые ученые называют игрушками, а журналисты – ножами эльфов, отделаны как под микроскопом. Или как будто руки, наносившие удары по кремню, были совсем крошечными, меньше, чем у детей.

– Значит, эльфы были? – замирающим голосом спросила Мышь.

– Боюсь, мы этого никогда не узнаем.

– Но почему? Ты сам говоришь – или под микроскопом, или маленькими ручками. Микроскопов в каменном веке не было, значит, «ножи эльфов» делали эльфы! – категорически заявила Мышь.

– Это как сказать. Левша, который блоху подковал, поль-

зовался не микроскопом, а бычьим пузырем с водой. Вода и пузыри в каменном веке были, значит, обычные люди могли сделать ножи эльфов. Как художник, я уверен, что это не детские игрушки, потому что игрушка всегда проще оригинала. Скорее уж ножи эльфов похожи на талисманы. Современников они должны были потрясать чистотой отделки. Может быть, за такой нож давали десяток обычных... Только ведь и это недоказуемо. Если в каменном веке были «микроскопы» из бычьих пузырей, они сгнили давно, – неожиданно закончил папа.

Мышь аж подскочила. Она любит простые ответы: или «да», или «нет», а «может быть» считает враньем, вилянием и провокацией.

– Папка, я в тебя сейчас чем-нибудь запущу. Говори быстро, были эльфы или нет!

– Говорю: чтобы точно знать, нужно найти что-то посущественнее каменных ножей. Лучше всего – скелет эльфа, но такие маленькие косточки вряд ли могли сохраниться. А если и сохранились – то кто докажет, что это эльф, а не детеныш обезьяны?

– Значит, надо поймать живого эльфа, и все станет ясно! – нашла выход Мышь.

– Если бы они жили в наше время, то мы бы о них знали, – коротко ответил папа.

Возразить было нечего. Мышь сразу остыла к разговору, повернулась на бок и прижала к груди Веника, готовясь за-

сыпать.

Потолок над перегородкой розовел – это закатное солнце светило в окно Гематогену. На нашей стороне было уже темно. Я спохватился, что давно не слышу старика. Тряпок на повязку он себе нарвал, кипятка налил, сейчас должен плескаться. Эти звуки повторялись на закате как по расписанию – судя по всему, он делал травяные ванночки для руки... После необъяснимо долгой паузы Гематогеша заплескался, и я перестал обращать на него внимание.

Ночью Веник влаивал и бил лапами, переживая собачьи сны. Я взял его к себе, чтобы пес не разбудил Мышку. Она отлично дышала во сне. Без единого хрипа. Когда мы прилетели, у нее в груди как будто взвизгивала губная гармошка, а теперь Мышкины бронхи совсем очистились. Мне пришло в голову, что многие люди болеют, потому что живут не там, где им нужно. А другие, наоборот, могут носить в себе болезнь и даже не подозревать об этом, потому что живут в подходящем для них месте.

Веник тьякнул и ударил меня в живот задними лапами. Я погладил его, прогоняя плохой сон, и заснул сам.

Рассвет принадлежал нам вместе с тайгой до Байкала. Как только солнце высывалось из-за кедров, первый малиновый луч бил мне в глаза. Иногда он был оранжевым, а однажды зеленым. Не знаю, от чего это зависело – погода все

время стояла ровная.

Мышь спала под самым окном, чтобы дышать кедровым воздухом, и была в тени. Ее не будило солнце. Я лежал и глядел на потолок из подкопченных досок. Скоро луч доползет до папы, он проснется, возьмет этюдник и уйдет в тайгу. Хотя нет, Гематоген ему не даст. Гематоген возьмет папу за шиворот своей здоровой левой рукой, повесит на него ружье, и они пойдут убивать кого-нибудь съедобного. Хорошо, а то вся наша тушенка испортилась. Два ящика пришлось закопать в тайге, чтобы не разыскали собаки. Кстати, в третьем ящике, который мы подарили Гематогену, не вздулась ни одна банка. Везучий старик. Или мы невезучие?

Я повернулся на бок и увидел оскаленную мордочку Венника. По открытому глазу полз крохотный прозрачный муравей. Пес уже окоченел, его можно было бы поставить на негнущиеся лапы, если бы мне пришла в голову такая глупость.

Глава V. В поисках мертвой собаки

Я закопал Веника под кустом на краю нашей лужайки и решил ничего не говорить Мыши. Пускай думает, что пес убежал. Меня бы такая новость не утешила, а Мышь еще маленькая, в третий класс перешла. У нее останется надежда, что Веник одичал и вольным зверем живет в тайге.

Когда я вернулся, папа на цыпочках бродил по комнате, уже одетый, но босиком. Этюдник стоял у двери. Чтобы смыться от Гематогена, папе оставалось взять галеты и налить воды во флягу. То и другое было проделано с мастерством, которое сделало бы честь любому ниндзя. Целлофановая обертка галет не хрустнула, вода не плеснула. Папа облегченно выдохнул, надел сапоги, повесил этюдник на плечо и распахнул дверь...

На крылечке, дожидаясь постояльца, сидел Гематоген. Минуту назад я там проходил, и его не было. У ног старика свернулась калачиком лайка. Поперек его груди, крестнакрест, как у революционного матроса, висели патронташ и ремень от ружья.

– Яшшик оставь, – неласково сказал старик.

– Я художник, а не убийца, – бледнея, пробормотал папа. – Ну видел я оленя, сто раз видел, он из рук галеты берет. А я после этого буду в него стрелять?!

– Ослабнем без мяса. И ты, и дети твои, и я, – просто объ-

яснил Гематоген. Свою тушенку он до сих пор не трогал. Рука у старика не заживала, а впереди была зима.

– А хотите, я вам пакетиков дам? Суп вермишелевый с курицей? – со слабой надеждой предложил папа.

Гематоген не счел нужным ответить.

На крыльцо босиком пришлепала заспанная Мышь и спросила:

– Где Веник?

Стали искать Веника. Если бы мне удалось остаться с глазу на глаз с папой или Гематогеном, я бы рассказал, что случилось, но Мышь все время была рядом. Лайка, слыша про Веника, виляла хвостом – игрушечный собачонок был ее слабостью. Услышав приказной свист Гематогена, она вбежала в нашу комнату, обнюхала постели, покружилась и села, скуля. То ли она уже поняла, что Веника нет в живых, то ли потеряла след. Ведь я уносил мертвого пса на руках; с лайкиной точки зрения, Веник повалился на постели, оставив свой запах, и пропал.

Гематоген с подозрением поглядел на меня, но ничего не сказал. Поманил нас из дому и широкими движениями руки, будто нарезаая ломти, отвел каждому сектор поиска: лайке, себе, папе и нам с Мышью. Лайке досталась тропа в кустах, на которой они с Веником вчера съели какого-то зверька. Мышь заспорила: ей самой хотелось идти на тропу. Махнув рукой, мол, идите куда хотите, Гематоген перевесил на папу ружье и патронташ, и мы разошлись.

Я не любил Веника за скандальный характер, но сейчас очень жалел его. Виделось, как он бежит, перебирая тонкими лапками, похожий на игрушечного олененка. А уж как мне было жалко Мышку – и не сказать. Она была уверена, что ее любимчик найдется с минуты на минуту. Бегала кругами, кричала: «Веник! Веник!», и мне тоже приходилось кричать, зная, что пес не откликнется.

Так мы добрались до места собачьего пиршества. Со вчерашнего дня шкурку съеденного лайкой и Веником зверька расклевали птицы. Мышь опять от нее отвернулась и сказала:

– По-моему, эта лайка плохо влияет на Веничку.

У меня слезы навернулись на глаза. Еще бы чуть, и я во всем признался. Но сестричка моя уже нырнула на собачью тропу. У меня со вчерашнего дня болели коленки и расцарапанные от ходьбы на четвереньках ладони, но делать было нечего. Я «паровозиком» побежал за ней.

Тропа казалась знакомой, но скоро Мышь наткнулась на птичье гнездо с пустыми скорлупками яиц. Вчера мы здесь не были.

– Передохнем, – хрипло сказала Мышь и уселась на землю. Я смахнул хвою с торчащего узловатого корня и позвал ее:

– Перепрыгивай сюда, а то простудишься.

– Разве это важно? – хлюпнула Мышь. – Это теперь и не

важно совсем, потому что Веничек потерялся!

– Здесь нет врачей, здесь нет лекарств, кроме тех, которые мы привезли с собой. Здесь не дома, Мышка. Там простуда – это неприятность, а здесь – гибель.

Я начал говорить не очень-то всерьез, а закончил – и самому стало страшно. Ведь все так и есть! Все правда! Нам еще хорошо, нас много! А каково Гематогену, когда он останется один-одинешенек на долгую зиму? Простуда – смерть, сломанная лыжа – смерть. Да, тут станешь угрюмым.

Мышь тоже подумала о старике:

– А я видела его руку. Подсмотрела в щелочку. У него вот так срослось. – Она сделала движение, как будто выкручивала белье. – Допустим, рана заживет, но рука не поправится уже никогда.

– Откуда тебе знать, ты хирург, что ли?

– Там любой разберется, – отмахнулась Мышь. – Если бы ты видел, сказал бы то же самое. Вся рука винтом, как пропеллер, что тут непонятного. Гематоген пробовал шевелить пальцами – не шевелятся. Странно, да?

– Что ж тут странного?

– Зачем он здесь живет, если не может здесь жить?

– Ну и зачем?

– Для эльфов, – как о само собой разумеющемся объявила Мышь. – Они маленькие, должен же им кто-то помогать. А так бы Гематоген давно улетел и лег в больницу по-настоящему лечить руку.

– По-моему, все проще, – сказал я. – Гематоген старый и не загадывает далеко. Крупы, муки, спичек вертолетчики ему купят на наши деньги, и эту зиму он проживет как привык. А на следующую, может, попросится в дом престарелых.

Мышь покачала головой:

– А по-моему, все живут для чего-то или для кого-то, особенно люди. Папа живет, чтобы рисовать, ты – чтобы тебя полюбила хорошая девушка, Веник – чтобы мне не было скучно. А как жить для самого себя, я не понимаю. – Мышь так отчеканила, дрожа бантиками, и, решив, что раз я молчу, то сражен наповал, деловито закричала: – Веник! Веничка, а вот что мамочка даст!

Мы полезли дальше по тропе, и все ниже смыкались над нами ветки, все сумеречнее становилась тайга. Стоя на четвереньках, я чувствовал себя беспомощным. Столкнемся нос к носу с волком – и прощай, родина! Нет, в этом уголке мы точно еще не были. Раньше приходилось ползти в основном по кустам. Если бы хотелось, там можно было встать и двигаться напролом, но тогда мы потеряли бы тропинку. А сейчас над нами сплетались лапами молодые кедровые деревья, специально высаженные в ряд. При очень большом желании мы могли бы выпрямиться, отогнув гибкие ветки, но не сделали бы ни шага.

– Следы! – задыхаясь от счастья, крикнула Мышь. – Это Венкины лапки, больше нет ни у кого таких маленьких!

На мое обозрение оставались только две борозды от ее коленок, поэтому приходилось верить сестре на слово.

Мышь бежала на четвереньках ловко, как в детстве, когда еще не умела ходить, а мне все чаще доставалось по «корме» ветками; пришлось опуститься и ползти по-солдатски. Вдруг она остановилась, и я ткнулся головой в ее обтянутые джинсами ягодицы:

– Ты что, Мышка?

Она молча отползла в сторону, давая мне дорогу.

Тропа выходила на круглый пустырек величиной с обеденный стол. От него во все стороны лучами разбежались тропинки, обсаженные молодыми кедрами. На утопанной земле не было ни хвоинки. Лапы кедров и здесь переплетались, закрывая небо сплошной завесой, но гораздо выше, так что можно было сесть не сгибаясь. Мы сели, молча глядя в центр площади. Там из земли торчала свежая щепка, явно отлетевшая от Гематогеновых дров. К ней микроскопическими гвоздиками была прибита распятая мышь со вспоротым животом.

Глава VI. Что случилось с Веником

– Это предупреждение мне. За Веника, – всхлипнула Мышка.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что я Мышь и она мышь.

– Глупости говоришь, – буркнул я. – Думаешь, они понимают наш язык?

– Могли научиться.

– У кого?

– У Гематогена, он же не всегда молчит.

У меня из головы не шла крохотная шпага, пропавшая с нашего стола. После смерти Веника я не сомневался, что она была отравлена.

– Уходим, – приказал я. – Ты первая.

Мышь была так потрясена, что, забыв о Венике, без возражений поползла назад.

Я, кажется, понимал, что произошло вчера. Лайка охотилась по кустам, разоряя птичьи гнезда и ловя грызунов. Глупый Веник тоже хотел поучаствовать в настоящей собачьей забаве, но ему никогда не удавалось поймать с первого раза даже шарик для пинг-понга. Он забежал на тропу эльфов и увидел готовую добычу. Очень может быть, что Венику показалось мало распятой мыши, и он кинулся ловить эльфов. Вот и получил удар отравленной шпагой.

У них Средневековье. В Европе жгли на кострах ведьм, а эльфы распинают мышей. Хотя какие они эльфы! Эльфы – нежные, волшебные, с полупрозрачными мотыльковыми крыльями, а эти – злые карлики, мучители мышей.

Скорее всего, я был несправедлив. Если представить, как даже не в средневековый, а в сегодняшний наш город врывается собака величиной с пятиэтажный дом и начинает хватать граждан, то применение любого оружия покажется честным. Да и распятая мышь – это все-таки не распятый человек.

Как только заросли над тропой поредели, я встал, чтобы понять, где мы находимся. Перед нами поднималась тайга, сплошная тайга, одинаковая во все стороны.

За месяц мы облазили окрестности, подчиняясь нехитрому правилу: час идем туда, час обратно; если не видим дома, стоим и кричим «ау». Аукаться не пришлось ни разу. Всегда попадалась какая-нибудь примета, чаще всего нами же брошенный мелкий мусор. Но в тот день нас преследовало невезение. Скрылось за облаками солнце. Не попадались наши палочки-выручалочки – фантики от конфет, которые Мышь разбрасывала за собой, как Мальчик-с-пальчик. Аукаться было страшно. Я хорошо понимал, что где отравленная шпага, там и отравленные стрелы, а Мышь, еще не зная, что Веник умер, просто боялась.

Мы долго стояли, не зная, что делать, и пряча глаза друг от друга. Потом совсем близко грохнул выстрел, за ним, с

коротким промежутком, еще один.

– Промазал, – сказал я, и мы пошли на звук.

Глава VII. Я снимаю шкуру

Папа не промазал. Второй выстрел, который чаще всего делают с досады, вдогон убежавшему зверю, оказался смертельным для молодого оленя. Пуля угодила ему в низ черепа, где шея соединяется с головой. Когда мы подошли, Гематоген уже снимал шкуру, завернув за спину мешавшую работать покалеченную руку. Папа с безучастным видом стоял в стороне.

– В мозжечок, – сказал он. – Фашисты так пленных расстреливали.

– Дурачок, – добрым голосом срифмовал Гематоген. – Эх, Владимир, если бы не твои глупости, тебе бы цены не было. Я уж думал, ушел олешек. А в первый раз, признайся, ты нарочно смазал?

– Нарочно, – не стал спорить папа. – Это попал я нечаянно.

Гематоген улыбался, раздувая ноздри, и вообще был счастлив. Я впервые видел, чтобы он говорил без особого дела.

– Нечаянно?! Ну, тогда тебе кто-то ворожит. – Оторвавшись от работы, он посмотрел в наши мрачные лица и догадался: – Не нашли?

Я покачал головой.

– Будет время – поищем, а сейчас давай олешка свежевать.

Здесь оставлять ничего нельзя, зверье растащит.

Я не знал слова «свежевать», но и так было ясно: оленя размером чуть меньше взрослой коровы надо превратить в мясо и перенести в избу. Хорошо, если успеем до темноты.

Поиски Веника откладывались на завтра. Мышь все поняла и, не проронив ни слова, уселась на траву. В глазах у нее стояли слезы.

– Собака найдет, – успокоил ее Гематоген.

– Как ее зовут? – спросила Мышь.

Старик пожал плечами:

– Собака и собака. Она у меня одна.

Пока папа переживал свой удачный выстрел, Гематоген показывал мне, как снимать шкуру. Фокус был в том, чтобы не столько срезать ее, сколько отрывать, нажимая кулаком и только немного помогая себе ножиком. Для этого, на мой взгляд, требовалось не меньше трех рук, а у нас столько и было на двоих. Я оттягивал шкуру и надрезал, когда надо, а старик нажимал кулаком. Дело шло быстрее, чем я ожидал, а тут еще папа очнулся и стал помогать. Он сходил за топором в избу, которая оказалась совсем недалеко, и начал рубить как заправский мясник. Все художники разбираются в анатомии животных, поэтому ни один удар у папы не пропал зря. Он буквально разбирал оленя на части.

Не скажу, что все это было приятно. Когда дошло до кишок, меня чуть не вывернуло наизнанку. Я говорил себе, что оленя назад не соберешь, а нам нужно мясо. У Мышки вон

все жилки светятся на лице сквозь кожу – ну как ее морить этим дурацким супом вермишелевым!

Я исподтишка приглядывался к старику. Что же получается: Мышь права, он отсюда не улетает, чтобы помогать эльфам? Добрый великан Гематоген. Или даже эльфийский бог Гематоген. Наверное, приятно чувствовать себя покровителем лесного народца, который без тебя никуда. Зачем он, скажем, построил запруду на ручье? Купаться там холодно, воды можно зачерпнуть и так. А для эльфов это водохранилище. Надо поглядеть – вдруг под камнями спрятан водопровод из полых травинок?

Лучшие куски оленины Гематоген завернул в шкуру, упаковав их тщательно, как будто груз предстояло тащить не полтора километра, а сто. Тюк положил на две жерди, и получились носилки. Я думал, что две ручки возьмет папа, а две другие мы поделим с Гематогеном. Но старик обошелся без моей помощи, перебросив через плечо ремень и просунув в него жердь, которую не мог взять в большую руку.

Они относили мясо три раза, оставляя мне ружье, чтобы палить в воздух, если какой-нибудь зверь позарится на оленя. Мышка все это время сидела в стороне с безучастным лицом, как человек в очереди к врачу. Только однажды, когда взрослых не было, она сказала:

– Его уже нет в живых.

И была права.

В конце концов от оленя остался череп да сгустки крови на траве. Хозяйственный Гематоген вырубил даже мозги, пообещав, что мы их съедем сегодня же вечером.

– Вы уж лучше сами, – холодно сказал папа.

Гематоген, как будто не замечая его неприязни, вручил папе завернутые в листья оленьи губы – самый, по его словам, лакомый кусочек, который всегда причитается удачливому стрелку.

А дома нас ждал печальный сюрприз. Безымянная лайка не подкачала. Нашла Веника. Он лежал на крыльце – маленький и аккуратный, как игрушка, и лайка слизывала с него налипшую землю.

Что тут было делать? Я сознался во всем.

Глава VIII. Подарок Гематогена

Всю ночь старик, не жалея на освещение драгоценного керосина, варил, кипятил, солил и закатывал в банки. Мышь сказала, что все равно не заснет, и пошла к нему помогать. Она не плакала, и это сильнее всего беспокоило нас с папой. Мы-то знали, как Мышь любила Веника. Нет, правда, лучше бы отревелась вздохом, чем сидеть с блестящими глазами и зажатым в кулачок подбородком. Ей бы легче стало.

Минут через пятнадцать к Гематогену перебрались и мы с папой. Надо же было помочь.

К утру убитый олень с застывшими фиолетовыми глазами превратился в еду. В печной трубе коптились колбасы, большие куски мокли в кадучках с рассолом – их еще предстояло закоптить. Основную часть продукта Гематоген переработал на самодельную тушенку. Магазиновая по сравнению с ней была все равно что болотная жижа против лимонада.

– Вот так я и жил, – вздохнул старик, окидывая взглядом плоды наших трудов. Банки занимали стол, все пространство под столом и еще изрядное место на полу. – Спас ты меня, Владимир. То, что летуны привезут – мучица, макаронки, – это хорошо, но мало. А теперь в самый раз проживу зиму.

Голос у старика дрожал. Мне показалось, что сейчас он поклонится, как в русских народных сказках. Но вместо этого Гематоген спросил, глядя в сторону:

– Пополам справедливо будет?

Банок получилось больше сотни.

Папа даже не заикался о дележке оленя. Мы уже до отвала наелись жареного на палочках мяса; он считал, что теперь можно снова переходить на «Суп вермишелевый».

– Куда столько?! – замахал руками папа. – По банке в день и то много, надоест.

– А с собой?

– Нам лететь на вертолете, потом на самолете, потом добираться до вокзала, потом ехать на поезде и с вокзала домой. Четыре не самые удобные пересадки. Ну, возьму две-три банки друзьям в подарок.

Гематоген качал головой с непонятым выражением на лице. Ему не верилось, что можно отказаться от мяса только потому, что его тяжело тащить.

– Город, – резюмировал он. – Хочешь, возьми «тулку».

– Что? – не понял папа.

– Ружье. Девятый калибр, медведя валит.

– Меня самого свалят мордой в пол. Как выйду с вашей «тулкой» в аэропорту – так сразу, – отказался папа.

– Ну нечем мне тебе заплатить! – с мукой вымолвил старик.

– А я не прошу.

– Твое дело, – согласился старик. – Но я за восемьдесят четыре года ни разу подаянием не кормился.

Восемьдесят четыре года! Ничего себе дедуля! Ты бы ви-

дел, как он дрова колет одной левой!

– Ладно... – Оглядевшись, как будто за нами могли подглядывать, Гематоген раскрывал дверцу тумбочки. Как я и думал, там оказалась тощенькая стопка трусов и маек, а еще патроны, много коробок с разноцветными гильзами. Выкладывая их на пол, Гематоген добрался до дальнего угла и вытащил спичечный коробок. Мы с Мышью переглянулись. Я был уверен, что в коробке окажется наша шпага.

– Глаза у тебя хорошие? – улыбаясь, спросил Гематоген.

Папа сказал:

– Не жалуюсь.

– Тогда смотри! – Гематоген открыл коробок.

Внутри на ватке лежали ходики. Без гирь и маятника они занимали восьмую часть коробка. Циферблат был со спичечную головку, на нем угадывались пятнышки цифр.

– На ходу, – заметил Гематоген. – Смазывать маслом нельзя, керосином только. Пустить капельку сверху, подождать, когда лишнее испарится. Я запустить не могу, руки не те, а Петя умел. Гирьки подтянет иголочкой, подтолкнет маятник... – У старика был гордый вид: мол, ну как, удивил?

Мышь выставила вперед ногу и заговорила, дрожа бантиками:

– Вы с ними заодно, да? А вы знаете, что это они убили Веника?!

– Кто? – смешался Гематоген. – Кто «они», я тут один живу. А ходики сделал Петя. Зимой ночи долгие, времени мно-

го, он и делал.

Я бы поверил, если бы не видел распятую мышь.

Вокруг на сотни километров не было ни одного человека, кроме нас с папой и старика. Мы не распинали мышь, а старик не мог это сделать одной рукой. Он и двумя бы не мог, стоило поглядеть на его огромные пальцы, в которых не удержался бы гвоздик размером с обломок иглы.

– И шпагу Петя сделал? – наседала Мышь.

У Гематогена забегали глаза. Клянусь, он впервые слышал про шпагу! Но, видно, зная об эльфах побольше нашего, старик пробурчал что-то утвердительное.

– А зачем он ее отравил?!

– Тише, тише! – Лицо старика посерело, по лбу градом катился пот.

Тогда я и понял: ОН БОИТСЯ.

Глава IX. Эльфы начинают атаку

Меня разбудил тихий непрекращающийся хруст. Погода начала портиться, тучи заволокли ночное небо, и в комнате не было видно ни зги. Нашаривая впотьмах фонарик, я еще не догадывался, что происходит. Хруст слышался со всех сторон, как будто я оказался в бумажном пакете, сминаемом чьей-то гигантской рукой. В матрасе подо мной шуршало сено. Фонарик все не попадался под руку, потом вдруг я схватил что-то маленькое и мягкое. В следующее мгновение оно вывернулось, и по пальцу мне словно полоснули бритвой. От неожиданности боль показалась очень сильной, я вспомнил об отравленной шпаге и заорал. Вспыхнул фонарик – оказывается, он был у папы. И тогда мы увидели...

Наши вещи, одеяла, мешки с припасами на оставшиеся полтора месяца – все-все, что можно было изгрызть, покрывали бурые шерстяные комочки. Они сидели без промежутков, как соты в пчелином улье. Розовые на просвет ушки подрагивали – мыши грызли.

Папа водил фонариком, выхватывая из темноты все новые картины нашествия. Вот десяток мышей, сидя цепочкой на подоконнике, уничтожает ремешок от бинокля. Вот вдруг осел большой пакет гречки, и крупа из дыры растеклась по полу, смешиваясь с рассыпанной мукой. Вот в бурой толпе на столе с глупой улыбкой мечется плешивая маска куклы

Барби. Волос уже нет, а прогрызенная голова как шлем наде-
лась на морду мыши. Недолгое метание, приглушенный писк
– и пластмассовая улыбка превратилась в труху.

Из столбняка нас вывел громкий удар об пол и звон стек-
ла. Не меньше сотни мышей, забравшись на полку, столкну-
ли банку с тушенкой Гематогена. На наших глазах они кок-
нули еще одну, набиваясь между стеной и банкой, пока не
сдвинули ее на край.

– Сейчас я буду кого-то убивать, – сказал папа, хватая с
пола резиновый сапог.

Он уже размахнулся – и вдруг обнаружил, что в руке у
него жалкий огрызок голенища. Литая подошва осталась на
полу, как пляжная тапка без верха, остальное было рассыпа-
но мелкой резиновой крошкой.

Тогда папа подхватил на руки не успевшую проснуться
Мышь и, давя пищащих врагов, босиком вышел из дома. У
меня не было его выдержки. Сорвав с себя одеяло, уже кое-
где превращенное в кружева, я бросил его на пол и по одеялу
кинулся к двери. Последние два метра пришлось одолевать
буквально по головам. Под пяткой хрустнул маленький че-
реп, и я выскочил к папе на крыльцо.

Мы стояли в одних трусах, не чувствуя ночного холода, и
слушали, как в темноте работают челюсти. Борьба с таким
количеством мышей было невозможно. Чтобы уничтожить
всех, пришлось бы поджечь дом.

И вдруг хруст и возня прекратились. Мы расслышали

негромкий, очень высокий свист, от которого в ушах засвербело, как будто ковыряли спичкой. Свист повторился, и мыши по нашим ногам хлынули из дома. Они исчезли за секунды, я даже не успел вскочить на перила.

Постояв еще немного, мы пошли подсчитывать убытки.

Говоря коротко, той ночью мы остались голыми, босыми и голодными. Все съедобное мыши съели, все несъедобное, но поддающееся зубам – сгрызли. Жалкие остатки круп, муки и соли вперемешку с мышиным пометом расползлись по полу как зыбучие пески, просыпаясь во все щели. Надеть было нечего, только у Мышки сохранился спортивный костюм, в котором она спала. Деньги превратились в труху. Папин паспорт из прямоугольного стал овальным (хорошо, что фамилия читалась и фотография не пострадала). Как ни странно, часы эльфов не пропали и не попались на зуб грызунам. Папа надеялся их продать, как только мы доберемся до большого города. Но сначала нужно было дождаться вертолетчиков. Мы понимали, что нас выживают из дома, но улететь не могли.

– Уезжать вам надо, – мрачно сказал Гематоген. Для разговора он, как заправский конспиратор, увел нас на берег журчащего ручья и выбрал открытое место. Но все равно оглядывался и замолкал, если вдруг по траве пробежал ветер. Старик уже не утверждал, что не знает никаких эльфов, но

и не рассказывал о них.

Папа в ответ беспомощно повел рукой. На чем уезжать? Где тот поезд или хотя бы телега, покажите!

Думать о пешем походе не хотелось. Старик нарядил нас в Петины военные обноски, и все бы ничего, но для Мыши не нашлось обуви. Из остатков сгрызенных кроссовок папа сделал ей сандалии на веревочках, которые спадали через каждую сотню шагов.

– Я попробую наладить рацию, – пообещал Гематоген.

Папа удивленно вскинул бровь, он даже не видел эту рацию.

– Старая, но была в рабочем состоянии, – понял незадачный вопрос Гематоген. – Петя с ней возился, а я не включал, как он погиб.

– А от чего он погиб? – влезла Мышь.

– От смерти, – буркнул старик и поднялся. – Часа через два приходите на чердак генератор крутить. Батареи с тех пор сели.

Когда мы пришли, на чердаке было прибрано. Пахло влажными некрашеными досками.

– Зря вы с одной рукой. Толик бы убрался, – сказала Мышь.

– Это мой дом, – ревниво ответил Гематоген и подозвал меня. – Вот «шарманка», вот стрелка. Крутишь ручку, чтоб стрелка была в зеленой зоне. Меньше напряжение – плохо, но можно, больше – нельзя, а то радио мне сожжешь. – Он

оседлал голову старинными наушниками из черного эбонита и посмотрел на меня: – Что стоишь, крути!

Я стал крутить. Ручка поворачивалась с большим усилием, разгоняя в ящике динамку, стрелка то не хотела подползать к зеленой зоне циферблата, то вдруг опасно приближалась к красной. Занятый добычей электричества, я почти не видел, что делает Гематоген. На прием рация работала, точно. Я слышал то шорохи и вой пустого эфира, то тилиликанье далекой морзянки. Несколько раз старик начинал говорить в микрофон:

– Я «Погода-19», я «Погода-19»... – Судя по всему, это были старые позывные метеорологической станции.

На этом его выход в эфир закончился. Старику никто не ответил.

– Все сменилось: позывные, волны, – виновато сказал он, захлопывая рукописный журнал, который мы с Мышью видели еще в прошлый раз.

– А SOS вы можете дать? – спросила Мышь. – Открытым текстом: «Все, всем, кто меня слышит...»

– Про SOS забудь, – сказал Гематоген. – Во-первых, это сигнал морской, во-вторых, он исключен из реестра сигналов.

– А что вместо него?

– Другие сигналы, другие коды – спутниковые.

– Ну дайте другой, – разрешила Мышь.

Гематоген вздохнул:

– Других я не знаю. А если бы и знал – разве у нас кто-нибудь погибает?

– Мы, – тихо сказала Мышь. Она не преувеличивала. После смерти Веника и нашествия мышей все понимали, что с эльфами шутки плохи.

– Ладно, – не стал спорить Гематоген. – Диктуй, что передавать.

– «Погибаем, но не сдаемся», – буркнул я. – Пошли, Мышь, сеанс связи не удался.

Сестра догнала меня уже во дворе и схватила за руку:

– Толь, я не поняла! Гематоген же сам хотел вызвать вертолет: «Уезжайте, рацию налажу», а теперь отказывается?

Я слышал один разговор папы с вертолетчиками и теперь объяснил Мышке то, что понял:

– Нам нужен не всякий вертолет, а вертолет Болтунова. Заметь, мы с ним летели не специально к старику, а везли какие-то буры для нефтяников. Нас высадили по пути, вот и вышло бесплатно. У него со стариком свои отношения: шкурки, охота. А другой вертолетчик потребует денег, которых у нас нет. Если б мы погибали от пожара, от болезней, нас бы спасли за государственный счет. А от эльфов не будут спасать. Не поверят.

– Что же делать? – спросила Мышь.

– Не знаю. Пускай старик объясняется с эльфами, если умеет. Может, помирит нас, мы же не сделали им ничего плохого.

Я как в воду глядел! После обеда Гематоген опять взялся за превращение непостроенной избы в дрова, только в этот раз он пилил бревна. Звук пилы – это не удары колуном. Мы были у себя в комнате и не услышали, когда Гематоген исчез.

Глава X. Пчелиный яд

Не успел Гематоген вернуться, как из тайги прибежала его безымянная лайка. За ней как будто черти гнались. Издалека мы слышали визг – лайка неслась кубарем, зажмурившись, с оскаленной мордой. Хвост, обычно загнутый бубликом и приветливо помахивающий, висел поленом.

Издалека я разглядел над ней подозрительное мельтешение, словно от лайки летели брызги воды, и закрыл окно. Пчелы. Одна из них села на стекло, как будто специально чтобы показать себя. Она ползла в нескольких сантиметрах от наших лиц. На конце брюшка, где было вырванное теперь жало, выступила густая на вид белая капля. Пчела прилетела умирать.

Лайка забилась в свою будку, но сразу же выскочила и побежала спасаться к ручью. Золотистый рой колыхался над ней, то зависая, то кидаясь в атаку.

– Гематоген с ними не договорился, – первой догадалась Мышь.

Я бы дорого дал, чтобы поглядеть, как старик разговаривал с эльфами. На каком языке, словами или, может быть, свистками? Впрочем, главное было понятно: эльфы не только не пошли на мировую, но и наказали Гематогена за непрошеное заступничество.

На ручье была маленькая запруда размером с ванну. Там и нашел свою лайку вернувшийся Гематоген. Охотничья собака догадалась спрятаться от пчел, но ей нужно было дышать... На выставленный из воды собачий нос пришлось тысячи укусов. Он раздулся в яблоко, черная кожа полопалась, и в разрывах проступила сукровица.

Гематоген хоронил собаку сам, не позволив нам вырыть могилу. Он долго и неуклюже копался на краю поляны, помогая себе локтем искалеченной руки и болезненно морщась. А потом залез на чердак и, заставив меня крутить генератор, долго шарил в эфире. Из динамика слышались обрывки разговоров: кто-то запрашивал погоду в Красноярске, кто-то требовал экстренной посадки... Гематоген знал диапазон, которым пользуются авиационные радисты, и, судя по всему, наудачу искал позывные болтуновского вертолета. Но легче было найти иголку в стоге сена.

Ожидая новой атаки мышей, мы собрали остатки наших вещей в два узла и подвесили на вбитые в потолок гвозди.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Подушка была горячей и сырой то ли от пота, то ли от слез. Ныли руки, уставшие крутить генератор. В глазах стояли трупик Веника и умирающая лайка. Раздувшийся нос делал ее похожей на картинку из мультика, и это казалось нарочным издевательством над несчастной собакой.

Луна украдкой выглядывала из-за туч, сплошь покрыв-

ших небо. Ее бледный свет выхватывал из темноты узлы, парившие в воздухе как воздушные шары. Узлы были связаны из взятых на чердаке старых юбок. Мелкие цветочки на ситце рябили в глазах, и начинало казаться, будто по узлам снуют человечки при шпагах и в шляпах с черно-белым пером из крыла синицы. Я разговаривал с ними в полусне, я спрашивал: «Что мы вам сделали?» – и не дождался ответа.

Проснувшись, я увидел, что папа на четвереньках ползает у двери, подтыкая в щели наше тряпье. Он не пропустил даже дыру от выбитого сучка, заделав ее жеваной бумагой.

– Пчелы? – догадался я.

– Не просто пчелы – рой. Погляди в окно, только не подходи близко, а то, если разозлятся, найдут дыру.

Я поглядел и ахнул. На окне, до половины закрывая стекла, висела шевелящаяся, блестящая слюдяными крылышками, непрерывно переползающая с места на место живая гроздь. Сотни пчел постоянно кружились над ней, как будто выискивая себе место. Одни садились, и навстречу им взлетали другие.

– И то же самое на двери, – сказал папа. – Нас запечатали.

Я подумал, что не запечатали, а хотели прикончить. Чудо, что папа спросонок заметил рой. Если бы первым встал я, то, не продирая глаз, побежал бы в кусты. И ударил бы дверью по живой грозди, мгновенно подняв в воздух весь рой. Сейчас мы бегали бы от летучей смерти, как несчастная лайка,

или, скорее, уже умирали, обезумев от боли, с перекошенными, раздутыми лицами.

– Как они это делают? – спросил я.

– Просто: посади на дверной косяк пчелиную матку – и за ней прилетит весь рой. Штука в том, что это пчелы-мутанты. Обычно, если что-то грозит рою, из каждой тысячи на врага бросаются две-три пчелы. А эти бросаются почти все.

– Откуда ты знаешь?

– Ты же видел, что стало с лайкой. Нормальные пчелы не убивают.

– Почему?

– Потому что в природе все целесообразно. Пчелы же не только лайку убили – их самих погибли тысячи: сколько укусов, столько и погибших пчел. Нужно это рою? Нет. Чтобы отпугнуть лайку, хватило бы нескольких укусов, обычно так и происходит... Надо выбирать, – заключил папа. – Перелезай на ту сторону и сходи за Гермогеном. Я уже звал его потихоньку, чтобы вас не разбудить, – не откликается.

Перегородка не доходила до потолка сантиметров на двадцать. Я влез на стол и протиснулся на половину Гематогена. Поглядел в окна – чисто. Эльфы подсунули пчел только нам.

Старика я нашел у Петинной могилы. На мое «Доброе утро» он ответил тяжелым взглядом. Земля у могилы принадлежала ему, мы всегда обходили это место.

Я объяснил, что пчелы заперли нас в комнате.

– Ломай перегородку, – буркнул Гематоген и отвернулся.

И на том спасибо, хотя вообще-то я ждал, что таежник подскажет, как бороться с пчелами.

Отошел я совсем немного, посмотрел на дом с заметными издалека гроздьями пчел, и стало мне грустно-грустно за человечество. Девять из десяти, нет, девяносто девять из ста, что Гематоген ВИДЕЛ. Если хоть раз обернулся, пока шел к могиле, то должен был увидеть. А нам не сказал ни слова. Выходит, он уже сдал нас эльфам. Может быть, даже сам посадил на дверь матку бешеных пчел и ушел на могилу дожидаться, когда нас прикончат.

Позже я много раз пытался поставить себя на место Гематогена – и не мог. Мне ведь не оставили выбора, я должен был бороться бок о бок с отцом и сестрой и вместе с ними погибнуть. А старику ничего не стоило вернуться к привычной одинокой жизни. Достаточно было не вмешиваться, когда нас будут травить пчелами или колоть отравленными шпагами. Вертолетчики прилетят через полтора месяца, увидят три новые могилы, узнают про несчастный случай. И никакая экспертиза не докажет, что наша смерть подстроена.

«Мы выживем, – про себя пообещал я старику, – мы выживем и вернемся с учеными, а если будет надо, то и с солдатами, и разберемся с этой кодлой маленьких убийц. Интересно, как ты тогда посмотришь нам в глаза!»

Глава XI. Легче не становится

Любой художник-иллюстратор – кладезь случайных знаний. Думаешь, откуда папа знает про ножи эльфов? Разве он археолог или антрополог? Нет, он рисовал картинки к «Энциклопедии непознанного». Чаще всего художник – еще и кладбище случайных знаний, потому что, нарисовав какой-нибудь станок для «Справочника машиностроителя», забывает о нем навсегда. Но в этот раз папины случайные знания спасли нам жизнь.

Увидев, что я возвращаюсь без старика, папа взял инициативу в свои руки. Первым делом он освободился, выломав из перегородки широкую доску, вторым делом послал меня зачем-то выкапывать и отмывать жестяные банки от нашей протухшей тушенки, третье дело поручил Мыши... Он лазил на чердак и в сарай, собирая подручные материалы, резал жечь и паял нагретым на примусе медным паяльником. Мышь пришивала к тулье Петиной фуражки занавеску из тряпки, а я, как говорится, подносил патроны. Пчелы беспокойно клубились, но улетать, кажется, не собирались.

В итоге у Мыши получилась закрывающая всю голову маска с вшитым для обзора куском прозрачного пластика от бутылки. А папа нам похвастался чем-то вроде кофейника с гармошкой.

– Это что? – спросил я.

– Дымарь.

– А зачем?

– Для дыма.

– А дым зачем?

– А пчелы с его балдеют, – дурашливым голосом объяснил папа.

В дымарь он погрузил гнилушки, за которыми я бегал в тайгу, и угольки из печки (зачем Гематоген топит с утра? Тепло же). Пшикнул гармошкой – из носика повалил дым.

Мы смотрели в окно, как папа, одетый в ватные штаны и телогрейку старика, с маской на голове, подходит к рою. С полсотни пчел сразу облепили его, но папа, не обращая на них внимания, пшикал и пшикал гармошкой. Там, где дым попадал на бурлящий рой, движение замедлялось и пчелы больше не взлетали.

Потом папа стряхнул рой в мешок с заранее положенным камнем, утопил в ручье и вернулся за вторым. Расправа заняла минуты.

Пришел старик, наблюдавший за нами издалека, и молча лег на свой топчан. Папа собирался прибить на место доску, оторванную от перегородки.

– Не надо. Мало ли что... – выдавил Гематоген.

Доверять ему было опасно. Незаделанная щель в перегородке могла и спасти нас при бегстве, и погубить, если в нее хлынут враги. Впрочем, такие враги, как наши, могли найти

себе щель и поменьше. Поэтому чинить перегородку мы не стали, а, наскоро пообедав стариковой тушенкой, начали готовиться к походу.

Из-за Мышкиной астмы нас часто заносило в глухомань. Мы месяцами жили в брошенных деревнях, населенных десятком старух, привыкли готовить на примусе, не боялись ходить пешком, а иногда и ночевать под открытым небом. Это был опыт дачников, а не таежников, но его хватило, чтобы не бояться уйти от неминуемой гибели на возможную. Жалели мы лишь о том, что не можем уйти немедленно.

Гематоген, спеша нас выпроводить, щедро раскрыл сундук с тряпьем. Дотемна мы подгоняли по размеру одежду, сочиняли вещмешки из наволочек и юбок. Хуже всего у нас было с едой, а вернее, без еды. Самодельная тушенка из оленины в увесистых стеклянных банках – фантастически вкусная штука. Но ее не унести много и надо съесть открытую банку в один присест, а то протухнет. В собранных с пола остатках нашей бакалеи оказалось больше помета, чем крупы. Папа упаковал это месиво в дорогу на случай полной голодухи.

Темнело. Гематоген, прячась от нас за печкой, купал больную руку. Сквозь щель в перегородке была видна его тень на стене. Мы без дела сидели у стола и думали об одном и том же.

– Они нас не отпустят, – сказала Мышь.

– С чего ты взяла? Ерунда какая! Наоборот, они нас вы-

живают! – с наигранной уверенностью возразил папа.

– Не бойтесь, я не буду плакать, – добавила Мышь и выкрикнула, дрожа бантиками: – А некоторым взрослым должно быть стыдно!

«Некоторый взрослый» притих как таракан, а потом опять раздался плеск за печкой.

Папа быстро закруглил этот разговор, сказав, что Мышке пора спать, и уложил ее на стол, подстелив наши рваные одеяла. Мышка лежала тихо. Не думаю, что она спала.

Папа что-то черкал в блокноте. Закончив, он с таинственным видом приложил палец к губам и показал мне эскиз сооружения из Мышкиной надувной кровати, канистры и бутылок от колы. Мы втроем плыли на этом чуде-юде среди лесистых берегов, я даже узнал место: километрах в десяти от избы, где наш ручей впадает в несудоходную речонку. Классная идея! Не плутать по тайге, не бить ноги, а плыть себе, пока речка не вынесет к людям.

Я взял карандаш и нарисовал на кровати прогрызенные дырки. Папа нарисовал заплатки. «А есть чем заклеить?» – я изобразил вопросительный знак. «Есть!» – ответил он восклицательным. Я поставил точку там, где в канистре была дырочка, а папа очень похоже нарисовал комок жвачки.

Так мы разговаривали по-глухонемому, скрываясь от эльфов и Гематогена. У меня в мыслях зацепилась эта дырочка, из-за которой мы чуть совсем не остались без бензина. Тогда никому в голову не приходило, что можно просверлить

такую тонкую дырочку, и мы решили, что это брак, дефект сварки. А теперь все стало ясно! Вся картина! Весь их замысел коварный! Я-то думал, что эльфы не могут простить нас за Веника. Уж не знаю, что покойник учудил на площади, где эльфы распинают мышей, а только на гадости он был мастер. Но теперь выходило, что все проще и страшнее.

Нас выживали с первого дня. Сначала вытек бензин. Потом испортилась тушенка (для этого ведь тоже достаточно крохотной дырочки в банке, чтобы туда попали гнилостные бактерии). Зачем, за что, разве мы друг другу мешали? Да нет, просто маленькая шпана охраняла территорию. Наверное, у них это называлось борьбой за независимость. А уж когда Веник притащил в лапе отравленную шпагу и мы начали догадываться, что живем здесь не одни, тогда, конечно, нас стали убивать. На всякий случай. Они вон какие маленькие, а мы вон какие большие – вдруг обидим?

Мышка заснула. Я понял это, потому что она опять дышала с хрипом и не откашливалась. Среди чистых таежных запахов появился какой-то вредный для ее бронхов, и болезнь стала возвращаться. Пчелы, наверное. Со вчерашнего дня не было ничего нового, кроме этих пчел, полдня висевших на окне и двери.

Я смотрел на ее бледное лицо с просвечивающим голубым сосудом в углу рта и думал, что сегодня нас опять будут убивать. Они грамотно действуют. Сначала оставили нас без

еды и одежды, чтобы не убежали, теперь подбирают оружие. С пчелами не удалось – попробуют другое. Папа тоже этого боялся, не зря же он положил Мышку спать на стол. На стол, с которого исчезла шпага. Кто забрался за ней (или спустился сверху на паутине?), тот мог и сегодня попасть на стол и той же шпагой, починенной, смазанной свежим ядом, ударить мою сестру в голубой сосуд. Хотя зачем так безрассудно рисковать? Где шпага, там и арбалет – абсолютное оружие Средневековья. В ста шагах он пробивал кольчугу. Может быть, в тот момент эльфы уже целились в нас из темноты, сощурившись и прильнув щеками к маленьким точеным прикладам.

– Мы вам не враги, – заговорил я. Папа вскинул голову, понял и промолчал. – Вам здесь тяжело и страшно. Каждая лужа – всемирный потоп, каждая сорока – смертельный враг. Мы помогли бы вам построить светлые города и накрыть их прозрачными куполами, чтобы вы не боялись ни птиц, ни зверей, ни непогоды. А вы помогали бы там, где слишком слепы наши глаза и слишком толсты наши пальцы. Есть такая штука – компьютер. Он управляет кораблями, поездами и самолетами. Раньше компьютеры были с двухэтажный дом, сейчас их можно спрятать в портфель, а компьютеры, собранные вами, будут с маковое зернышко. Они перевернут наш мир. Вы будете самыми уважаемыми людьми, и никто не посмеет вас обижать. Я понимаю, у вас нет причин доверять мне. Но сколько можно прятаться в глуши? Не вы, так

ваши дети или внуки попадутся на глаза таким, как я. Вы не сможете убить всех. Нам лучше быть друзьями, чем врагами.

– Девочку не трогайте. Она маленькая, ей никто не поверит, – коротко и по самой сути добавил папа.

Мы замолчали, ожидая то ли топота уходящих крохотных ног, то ли звона спущенной тетивы. Но в комнате стояла тишина. А за перегородкой Гематоген с шумом отодвинул табуретку, подошел к щели от выломанной доски и коротко сказал:

– Пойдем.

Глава XII. Убежище Гематогена

Чего я только не успел нафантазировать, пока мы шли за стариком по огороду, сбивая ночную росу с чахлах кустиков картошки! Представлялся мне то погреб с надежно запечатанными щелями, в котором Гематоген мог бы спрятать нас до утра, то даже готовый к полету воздушный шар. Крохотные враги казались вездесущими. Они могли подстеречь на каждой грядке. Я выдумывал необычные пути к спасению, потому что не видел обычных.

Старик привел нас в баню, щедро полил керосином сложенные в топке дрова и поднес зажженную спичку. Полыхнуло пламя.

– Топите, чтоб дышать было трудно, – сказал Гематоген и ушел.

Я смотрел на папу.

– Попробуем, – сказал он. – Они же маленькие, должны бояться перегрева.

Кедровые полешки, так и не ставшие новой избой, мгновенно схватывались огнем. Я подбрасывал их в топку и время от времени шуровал в ней кочергой. Мышь папа принес на руках и положил на полоч, она даже не проснулась.

Печь казалась обычной каменкой, которую надо топить полдня, но температура поднималась неожиданно быстро. В сыром банном воздухе носились горячие вихри. Я наклонил-

ся над камнями, и волосы на голове затрещали от жара. Из камней торчали толстые трубки, оттуда дуло раскаленным, пахнущим окалиной воздухом.

Минут через двадцать мы разделись до трусов и сняли одеяло с Мышки.

– А я думал, он умирать нас отвел, – признался папа.

Я злился на Гематогена и сказал, что и сейчас так думаю: привел в баньку, чтоб помылись перед смертью.

– Чудак! – улыбнулся папа. – Ты видел, чтобы в деревнях летом топили печку, если самогон не варят? А старик натопит да еще и окна позакрывает в самую жару. А что ты рассказывал о тропе эльфов? Кедров над ней смыкаются, ни одного солнечного луча, сумрак, прохлада... Короче, спас нас Гермоген. Влетит ему теперь от хозяев.

От хозяев?! Все, о чем я думал, перевернулось вверх тормашками. Кто сильнее, тот и хозяин. Слон, к примеру, сильный. А на шее у него сидит мальчик, тычет палкой и заставляет слона таскать бревна. Вот как оно на самом-то деле! Гематоген вовсе не бог эльфов. Он только таскает им бревна. Высадит кедров вдоль троп, вырубит лишние, когда разрастутся, – да мало ли для какой работы можно использовать великана.

Мыши появились, когда мы думали, что уже спасены и осталось только подбрасывать дровишек, дожидаясь утра. По крыше забегали крошечные лапки. Что-то упало на ка-

менку. Раздался отчаянный писк, запахло паленой шерстью, потом жареным.

Стуки и шорохи слышались уже из всех углов. Мыши падали сверху как перезрелые сливы и, подобравшись, начинали карабкаться на бревенчатые стены.

Крыша необычно для бани была покрыта кровельным железом – видно, Гематоген, устраивая здесь убежище на крайний случай, предусмотрел опасность этой атаки. Мыши грызли мох, которым были законопачены щели между бревен. Не меньше полусотни атаковали дверь. Я ударил по ней пяткой, дверь задрезжалась, и мыши бросились врассыпную. Следы маленьких зубов еле можно было рассмотреть.

В ушах засвербело от пенья командного свистка, и мыши стали возвращаться, щекоча лапками мои босые ноги. Тогда я понял: прогрызут. За три часа, за пять, но прогрызут. До рассвета много времени, а их полчища. Без двери, с щелями в каждой стене, баня превратится в сито, и жар из нее выдует. А потом войдут эти, с отравленными шпагами.

– Отойди, – сказал папа. В руке он держал ковш с кипятком.

Я отошел, и он плеснул.

Душераздирающий писк разбудил Мышку. Она села на полке, оглядываясь и не понимая, куда попала. Я обнял ее и сказал:

– Не смотри.

Багровое пламя из печного жерла металось по стенам.

Писк ошпаренных и командные свистки невидимых эльфов слились в сплошной, неожиданно зудящий звук, от которого ломило виски. Плескался кипяток. Дохлые мыши устлали пол. Новые сотни их падали из каких-то дыр под крышей, лезли по телам и кидались к двери.

Полуголый закопченный папа, как черт в адской котельной, направо и налево разбрызгивал кипящую смерть. Мы с сестрой сидели обнявшись и поджав ноги, чтобы занимать меньше места. Иногда до нас долетали брызги кипятка. Мышка первая догадалась натянуть на себя одеяло, и мы закутались как сумасшедшие в раскаленной бане.

Я боялся, что в котле кончится вода. Зачерпывая кипяток, папа уже погружал ковш так глубоко, что за краем котла не было видно рукоятки.

Потом ковш скребнул по дну.

Мы не знали, сколько времени осталось до рассвета и спасет ли нас рассвет. Может быть, эльфы боялись не солнца, а жары? Тогда у них в запасе будет еще несколько часов до того, как солнце начнет припекать.

Небо за маленьким окошком бани только начинало светлеть. Ни один розовый луч еще не отразился в едва заметных на нем облаках. Ковш поначалу только изредка задевал дно, потом стал скрежетать каждый раз, когда папа зачерпывал кипяток. Папа теперь плескал понемногу. Я не знал, то ли он бережет последнюю воду, то ли уже не может зачерпнуть больше чем полковша. Папа побагровел, как будто его

самого обварили. Было страшно, что он свалится от жара и усталости.

Не сразу я заметил, что и наши враги уже не те. Вроде ничего не изменилось, но теперь половинки ковшов как раз хватало, чтобы смести мышей со стен и отогнать от двери. Иногда папе было достаточно взмахнуть ковшом, не выплескивая кипяток, чтобы атакующие откатились. Мыши не смели послушаться невидимых командиров, но все сильнее боялись кипятка. Настал момент, когда они стали шарахаться, стоило папе поднять ковш.

И тогда из темных углов снова запели свистки. Мыши покопошились и пропали, оставив на полу своих мертвецов. Папа сгреб их в угол отломанной от полка доской. Гора получилась ему по колено. Наш Веник обрадовался бы такой богатой добыче.

– Сейчас сдохну, – сказал папа, подсаживаясь к нам. – Ох, проветрить бы.

– Нельзя! – испугался я. – Приоткроешь дверь, а они выстрелят из темноты.

– Я не всерьез, – улыбнулся папа, посмотрел на окошко и добавил: – Уже не из темноты.

Над тайгой занимался фиолетовый рассвет. Я никогда не видел такого.

– Этюдник надо было взять, – вздохнул папа.

Художник есть художник. Если ему надоедает рисовать, он превращается в маляра.

Снаружи под дверь еще подгрызались мыши. Когда в щели начали появляться их острые мордочки, папа пугнул нападавших остатками кипятка.

Фиолетовое небо наливалось малиной, потом над тайгой всплыла оранжевая полоса, за ней желтая... Не могу описать этот рассвет. Папа их нарисовал с тысячу и тоже не мог высказать словами все то, что мы чувствовали.

– Поднялось солнышко, – сказал он, – расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку – и аж заколдобился.

Я спросил:

– Откуда это?

– Ильф и Петров, «Золотой теленок». Надо мне всерьез заняться твоим образованием.

Могу поклясться, что ни один школьник не радовался так, как я, услышав от отца такие слова.

Мы сидели в остывающей бане, ожидая, когда солнце начнет припекать. Папа боялся, что эльфы запечатают нашу дверь пчелиным роем. Он хотел по росе, пока пчелы не летают, сбегать за дымарем, но я его отговорил. Вместо этого мы залезли на полок и оторвали от угла лист железа на крыше. Лист можно было в любой момент отогнуть и бесшумно вылезти, не раздражая пчел.

Мышка опять заснула, а мы с папой болтали о всякой всячине и прихлебывали из ковша остывающий кипяток. Пить

хотелось ужасно. Мы напарились на всю жизнь и стали легкие, как воздушные шарики.

И вдруг папа сказал:

– Не шевелись!

Я скосил глаза. Из щели под крышей вылезала треугольная голова змеи.

Глава XIII. Абсолютное оружие

Змея бесшумно вытягивалась из щели – серая, узорчатая, струящаяся. Вот-вот она должна была плюхнуться на полок, в полуметре от ног спящей Мышки. Гадюка, наверное. Она влезла к нам уже сантиметров на сорок и не кончалась. Знать бы заранее, можно было взять у Гематогена дробовик. Сейчас бы шарахнули в упор... Мы должны, должны были догадаться раньше! Откуда еще у них яд, как не от змей! Они же простые средневековые ребята, а не химики.

Серые узоры заструились быстрее. Гадюка уже падала, и тогда папа принял ее в ловко подставленный ковш и плавным движением отправил на лопающиеся от жара печные камни.

Оружие эльфов пшикнуло, закорчилось, как червяк на крючке, и сдохло.

А из щели показалась еще одна треугольная голова.

В то утро папа лишил эльфийскую армию основных ударных сил. Змеи вползали, он переправлял их на камни или в опустевший котел с докрасна раскаленным на печке дном. Одну за другой. Восемь штук. Их и не могло быть много: представь, что такое метровая боевая гадюка в армии солдат, вооруженных шпагами величиной с булавку. Как трудно ее воспитать. Сколько дрессировщиков она сожрет, прежде чем ее научат выполнять команды. И сколько погон полете-

ло с плеч (если только у эльфов были погоны и плечи), когда всю эту мощь поджарили просто как сосиски.

Последним на нас выпустили гадючьего подростка длиной со школьную линейку. Было ясно, что это жест отчаяния. Он сторел до углей так же, как и остальные.

Папа долго слушал у двери, не гудит ли рой. Но эльфы то ли не хотели повторяться, то ли взяли тайм-аут, чтобы подсчитать убытки.

Мы разбудили Мышь и, озираясь и поминутно ожидая выстрела из-под каждого листа, пошли в дом собираться.

– Гермогена нет, – расстроился папа. – Жаль, я хотел попросить у него еще кое-что из одежды.

Я сказал:

– Знаешь, нечего церемонится, он же нас не жалел! Бери что хочешь, только полушубок оставь ему на зиму.

– Он сегодня спас нам жизнь, – возразил папа. Лицо у него стало упрямое, как в тот день, когда он не хотел стрелять в оленя.

– А раньше? Кто нас к себе заманил из-за паршивых денег? Думал, дурачки заплатят, куплю себе продуктов на зиму, а потом пусть их убивают, не жалко.

– Да никто нас не заманивал, – ответил папа. – Ты вспомни, Гермоген даже не знал, что мы прилетим. Это Болтунов устроил всем такой подарочек. А уж когда мы прилетели, тут сработал соблазн. Гермоген боялся не пережить зиму, и вдруг пожалуйста – все за него решено, осталось только ска-

зять «да».

– Почему не пережить? – влезла Мышь. – Улетел бы с вертолетчиками, попросился в больницу.

– Ну, в больницу не так легко сразу попасть. А главное, я боюсь, что его не отпустили бы.

– Эльфы?

– Кто же еще! Натравили бы гадюк или бешеных пчел... Опасный народ. Вы посмотрите: Веник погиб, лайка погибла, мы могли погибнуть – и при этом ни разу их даже не видели. Может, они и на людей не похожи.

– Жалко, – сказала Мышь. – Средневековый город с замком и ветряными мельницами на окраинах, гвардейцы в шляпах с пером из крыла синицы...

– Или земляные норы и муравьи-переростки, – пожал плечами папа. – Как знать, может, эти эльфы наколоты на булавки в каждом зоологическом музее.

У меня на этот счет было свое мнение. Почему эльфы ни разу не попались нам на глаза? Почему, как призраки, боялись дневного света? Может, они и были призраками народа, который давно исчез с лица земли, оставив только могильные плиты и кремневые ножички в наших музеях?

В бездонном сундуке Гематогена папа нашел всем по ватнику, выбрав самые ветхие. Мой был зеленый, без воротника, на военных пуговках – я видел такие в старых кино про войну, – а Мышкин явно женский, обшитый поблекшей

тесьюмой. Старик ничего не выбрасывал, потому что в тайге ничего нельзя было купить. Мы надели самодельные вещмешки с веревочными лямками. В последний момент я вытащил из печной трубы уже закоптившуюся колбасу. У Гематогена оставалось еще пять, так что все было честно. Свернув колбасу хомутом, я повесил ее на шею, чтобы освободить руки.

Залатать Мышкину надувную кровать не удалось, и мы расстались с мыслью о плотике. Карту все помнили пошкольному, с точностью до пятисот километров. Это, конечно, не помогло бы выйти к человеческому жилью. Оставалось идти хоть на восток, хоть на запад из тех соображений, что все большие реки текут на север и рано или поздно на какую-нибудь мы набредем, а дальше пойдем вниз по течению. Мы отправились на запад, в сторону нашего дома. И увидели Гематогена. Он сидел на могиле сына, привалившись спиной к кресту.

– Идите, я вас догоню, – сказал папа. – Только извинюсь за ватники и догоню.

Никто не знал, где могла подстергать нас месть эльфов. Можно было погибнуть, отойдя от своих на пять шагов.

– Подожди! – крикнула Мышь, и мы пошли с папой.

Мы подходили, а Гематоген как будто спал и улыбался во сне. Его лицо, темное и сморщенное, словно кора на дубовом пне, посветлело и разгладилось. А потом мы рассмотрели, что веки у него заплыли, щеки вздулись от пчелиного яда, а

то, что издали казалось улыбкой, было гримасой боли.

Мы остановились над ним, как нищие со своими котомками. У меня на шее висела колбаса, и вкусный копченый запах вызывал тошноту.

Глава XIV. Часы эльфов

Так и застал нас лунолицый кочевник. Он искал своего оленя и очень огорчился, увидев его разложенным по банкам с тушенкой. Тут папа и сообразил, почему олень брал из рук галеты, и конечно не стал признаваться, что был автором меткого выстрела.

Не знаю, много ли понял кочевник из нашего сбивчивого рассказа. Сам он пользовался в разговоре десятком существительных и двумя определениями: «хоросий» и «нехоросий». Пчелы определено были «нехоросий птела». Рассмотрев опухшее до неузнаваемости лицо старика, кочевник встревожился и сказал, что нужно немедленно уходить.

Похороны он устроил в минуту. Один, видя, что папа мнется, отнес покойника на бревна, плеснул керосина, чиркнул щегольской зажигалкой «Зиппо» и отправил раба эльфов к верхним людям.

Все это время мы стояли спина к спине, надев на себя зимние вещи старика и оглядываясь. Кочевник не понял, что мы боялись отравленных стрел, но наши меры одобрил. Его волновали пчелы. Взяв в уплату за оленя карабин Гематогена и утопив ружья, чтобы не достались «нехоросий люди», он без промедления увел нас в тайгу.

Это был двужильный человек. Из пятидесяти километров, которые мы прошли в тот день, почти двадцать он тащил

Мышку на руках. Под конец ему пришлось гнать меня и папу пинками. Но кочевник добился чего хотел: ночевали мы в его круглой яранге, покрытой сверху заплатанным брезентом, а изнутри сшитой из пыжика, который идет на дорогие шапки.

Из-под шкур была извлечена японская рация. Кочевник долго лопотал по-своему с городским собратом, потом твердил кому-то русскому про «нехоросий птела».

В результате этих переговоров рано утром за нами прилетел вертолет с подвешенными к бортам огромными баками. К старику нас везли в таком же грузовом «Ми-8» с трубами для бурильщиков, поэтому мы не удивились ни этим бакам, ни надписи «ядохимикаты», решив, что у вертолетчиков есть какое-то свое дело, а нас забирают попутно.

Но дело оказалось общее.

Кочевник полетел вместе с нами. Я не понимал, что происходит, до тех пор, пока его смуглый палец не опустился, показывая что-то на земле. И тогда из баков хлынул яд и, подхваченный вихрем от винта, понесся вниз, на одинокую избу Гематогена и его прогоревший погребальный костер.

Мышь кричала и хватала пилотов за руки, потому что мы правда не хотели зла эльфам даже после всего, что они нам сделали. Кочевник поймал ее в охапку и назидательно сказал: «Нехоросий птела!»

Это прозвучало как эпитафия народцу, который слишком яростно бился за свою никому не нужную независимость.

* * *

А ходики эльфов достались какому-то барыге в Красноярске. Вырученных денег нам еле-еле хватило на одежду и билеты на поезд. И то папа был рад, потому что, когда мы в тряпье с чужого плеча вваливались в антикварные магазины, продавцы вызывали охрану.

Папа сказал барыге, что продает часы эльфов; название, видно, понравилось, хотя никто не принял его всерьез. Месяца через два мы прочитали в газете, что часы эльфов продавались на аукционе, но успеха не имели и ушли за стартовую цену десять тысяч долларов. С вежливым злорадством газета сообщала, что неуклюжий покупатель, уплатив деньги, хотел немедленно завести часы и у всех на глазах раздавил их в прах. Скорее всего, так и было, но Мышь с ее страстью к сочинительству тут же нам рассказала целую историю. Будто бы по всему миру в антикварных магазинах покупают и уничтожают вещи эльфов, попавшие в руки людей. А в кармане у каждого покупателя таких редкостей сидит маленький гвардеец в шляпе с перьями из синичьего крыла и держит наготове отравленную шпагу.

Мария Некрасова.

Проклятое место

Глава I. Место, где ты живешь

Темнота давила на мозги. Пыльные полосы света, проникающие сквозь дырявую крышу, только еще больше слепили. Киря медленно шел по хлипкому полу: доски под ногами пошатывались и скрипели. Глазам было больно от этой полосатой темноты: тонкие лучики света на полу, а вокруг черный мрак. Под ногами валялись ошметки пакли, гвозди, комки грязи с отпечатками подошв и собачьих лап. Домик давно растащили: когда-то здесь была и мебель, и отделка, а сейчас только голый сруб да мусор на полу. В маленьких окошках с огрызками подоконников даже не было стекол.

– Могила, – громко прошептал Васек. Он осветил фонариком на мохнатые от пакли стены, и в луче мелькнул крысиный хвост. – Видал, какая здоровая! Что она здесь жрет, интересно? Доски, что ли? С гвоздями!

– Не болтай, – буркнул Киря. – Живет она здесь. Тепло, тихо, людей нет. А питаться к соседям ходит. К тебе, например.

– Подавится! У меня Феня крысоловка! На днях вот такую

тварь на крыльцо притащила. – Васек широко развел руками, как рыбак, хвастаясь пойманной рыбой. – Надо будет – и твоего пса задерет!

– Ну-ну. Сегодня привести или завтра?

Глаза уже привыкли к полумраку, и Киря потихоньку рассматривал комнату. Бревна, пакля, доски. В углу – куча пустых пакетов и скомканных газет, наверное, крысы натащили для гнезда. На полу среди мелкого мусора – кокнутая тарелка с цветочками и следы, следы. Собачьи и человеческие.

– Вась, а кто-то сюда ходит!

– Десятый класс тут вечерами пасется, больше некому! Неужто они проглядят такую хату?! Вроде недалеко, а на отшибе, никто не мешает. Печка вон еще целая, грейся – не хочу...

Киря слушал и пинал здоровенный висячий замок на крышке подпола. Кому пришло в голову запирать подпол на такой замок? А главное, он был не ржавый, не старый. Дужка вон отполирована, блестит... И петли! Петли у дверцы смазаны, Киря ткнул пальцем и тут же испачкался.

Интересно, что там? Клад? Труп? Да ну, скорее всего, просто закрыли от десятиклассников. Участковый дядя Миша приехал и закрыл. Дом тоже когда-то был заколочен, но кто-то ведь оторвал доски. Десятиклассники, да. А в подпол замок срывать поленились, они не любопытные.

От волнения Киря нарезал круги вокруг загадочной дверцы, даже прыгал, пробуя на прочность гнилые доски.

– Васек! Нигде ломика не видишь?

– Что? – Васек подошел и оценил: – Хочешь отведать огурчиков двадцатилетней выдержки? А что, умно: в школу долго не пойдешь!

– Глупый! Неужели самому не интересно?

Васек кивнул и, хлопнув дверью, побежал искать, чем бы сковырнуть замок. Киря остался бродить по дому. Слазил за печку – может, кочерга найдется вместо ломика? Нашел пакет из-под чипсов и пустую бутылку: похоже, Васек был прав насчет десятиклассников.

От тишины звенело в ушах. Васек на улице не подавал признаков жизни – домой, что ли, побежал за ломиком? А совсем рядом по полу зацокали когти.

Киря поднял голову. Собака. Погреться зашла. Грязно-рыжая, с порванной губой. Ничья. Видно, что ничья. На боках жирок, а в глазах растерянность и ужас. У домашних таких глаз не бывает. Собака стояла на пороге и молча скалилась порванной губой.

– Заходи, грейся, – кивнул ей Киря. Собака попятилась и оскалилась еще больше. На загровке ее вздыбился колтун с бардовыми ошметками болячки.

– Да не бойся ты так, я не кореец! – Киря жалел бездомных собак. Была в этом какая-то чудовищная глупость: собака – и вдруг бездомная. Что ей без дома-то делать, что сторожить?

Киря чуть отступил, показывая, что нападать не собирается. Псина подпрыгнула на четырех лапах и залилась лаем.

Она лаяла громко, надрывно, она звала своих.

В темноте дверного проема зашевелились разномастные пушистые спины. Одна. Две. Три... Не местные. Всех деревенских собак Киря знал: стоит выехать на велике, они тут как тут, выскакивают из дворов, спешат облаять. Нет, эти чужие.

Рыжая псина скакнула в комнату с громким лаем, и за ней ворвалась целая свора. Собаки мгновенно окружили Кирию, лая наперебой, хвастаясь блестящими в полумраке клыками. Самый крупный, черный пес, должно быть вожак, чуть привстал на задних лапах и гавкнул прямо в лицо. Киря хотел присесть, будто поднимает камень, но побоялся: слишком близко к лицу маячили клыки. И с собой ни палки, ни камешка нет. Ногой он попробовал дотянуться до осколка тарелки на полу... Черный пес щелкнул зубами у самой щиколотки. На резиновом сапоге остались две неглубокие дырочки: еще чуть-чуть, и прокусил бы.

Киря отдернул ногу и потихоньку попятился к двери. Черный танцевал на задних ногах и щелкал зубами около рукава. Совсем дикие псины. Порвут. И откуда их столько... Киря рывкнул, и собаки на секунду притихли, но тут же опять залились лаем. Выход был уже близко. Киря пятился, собаки лаяли и бросались. Перед самым лицом мелькнула пасть черной псины, Киря отпихнул ее и рванул прочь. Чьи-то зубы вцепились в рукав – оглушительно треснула ткань, обнажив белую вату. Киря перемахнул через порог, влетел в со-

седнюю комнату и захлопнул за собой дверь.

Дверь держалась на одной петле, и коробка отставала. Закрыть плотно не получилось, остался зазор толщиной в руку. Псины наперебой просовывали туда морды и лаяли, оглушительно лаяли, напирали на дверь так, что она шаталась. Киря навалился, подергал древний шпингалет (тоже на одном винтике) и все-таки защелкнул его. Теперь зазор остался с другой стороны, там, где не было дверной петли. Собакам туда не пролезть, а Кире надо сматываться. И где гуляет Васек?!

В комнате были окна без рам и стекол – так даже лучше. Проще вылезти. Киря шагнул к ним – и нога провалилась. У самой двери пол был раздолбан: дыра с бахромой обломанных досок, да такая, что можно пролезть.

Внутри темно. Киря достал фонарик, осветил. Подпол и подпол. Сруб, доски, земля. Собаки лаяли, с грохотом расшатывая дверь, – сматываться надо! Но Киря взял фонарик в зубы и зачем-то нырнул в дыру.

Снизу дом выглядел еще более уныло. Сруб кое-где подгнил, под ногами было полно мелкого мусора. Киря прополз несколько шагов и замер.

В луч фонарика попалась чашка. Чашка и чашка: с цветочком, с ржавой каемкой давно испарившегося чая, с блюдечком. Она стояла на импровизированном столике из доски, брошенной на два пенька. Доску аккуратно закрывала давно вылинявшая клеенка. Там же была тарелка с ложкой,

мытые, аж блестят. Здесь кто-то живет? Здесь?!

В углу зашевелилась гора тряпья. Киря вскрикнул, направил фонарик... Крыса. Деловая: вылезла на бывший рукав чьего-то ватника и стала умываться. Не боится. Киря зашарил фонарем по стенам.

Подпол как подпол. Нормальные люди в таких банки хранят и картошку. А здесь был столик с клеенкой, чашка, недоеденный крысами удлинитель и мятый плакат группы «Смайлики» на стене. Плакат Кирю потряс. Нет, сам плакат ничего особенного: подростки с гитарами. Но в том, что он висел здесь, под полом, прибитый маленькими проржавевшими гвоздиками, была неумолимая правда: здесь кто-то жил. Нет, не десятиклассники. Они не слушают такое. У Кириной матери есть еще пленочные кассеты с записями этой группы. Говорит, любила в школе. Кирю пыталась посадить еще в прошлом году, но песенки показались ему слишком детскими. Какие уж тут десятиклассники!

Кружку, допустим, просто могли забыть. Отец вон тоже ходит по дому с вечнозеленой кружкой чая и забывает ее в самых неожиданных местах. Потом ищет, ругается.

Удлинитель в подполе тоже у многих есть, чтобы лампочку включать, и даже столик с клеенкой ерунда – мало ли какие у кого подставки для банок! А плакат – это плакат. У Кири тоже висят плакаты в комнате над столом, где он делает уроки, сидит в Интернете. Где рубится в стрелялки... Плакат отмечает место, где проходит твоя жизнь. В подполе.

Кирия ковырнул улыбающуюся физиономию парня, и ржавые гвоздики посыпались под ноги мелкой дробью. Плакат чинно спланировал на сапоги. По ногам пробежал холодок, Кирия вздрогнул и отфутболил плакат в угол крысы. Парень с гитарой улыбался. Крыса цапнула бумагу и шумно, пятясь рывками, стала затаскивать в гору тряпья. «Смайлики» шуршали, и хозяин их не шел из головы. Мальчишка или девочка? Сколько ему лет теперь, если жив? Он здесь прятался или его здесь заперли? Судя по дыре в полу и замку на крышке подпола...

На досках чернели крошечные точки-шрамы от гвоздиков. А между досок торчал кусок ветоши. Тайник за плакатом? Кирия вцепился в тряпку и рванул на себя. Что-то тяжеленькое и плоское. Книга? Тетрадь?

– Кир, ты тут? – Над головой с грохотом открылась дверь, шмякнулся на пол отлетевший шпингалет и затопали-затопали сапоги. Кирия выдернул находку, затолкал под куртку (если книга, то здоровенная) и крикнул:

– Внизу! Тут такая дырень в полу, зря за ломом бегал!

– А я и не нашел! – довольно сообщил Васек. – Батя задевал куда-то.

– Собак видел?

– Нет. А что, были?

– Да они тут, похоже, могилу стерегут. Лезь, что покажу.

– Хорош заливать-то! – За спиной шаркнула болониевая куртка – Васек лез под пол.

Кирия шуганул крысу и отобрал плакат. Может, и не могла. Ляпнул, чтобы не думать о плохом одному. В дыре между бревен возникла щекастая физиономия Васька, Кирия с ходу сунул плакат ему под нос:

– Смотри! На стене висел!

– Погоди ты! – Васек включил фонарь и уставился на плакат: – Ха! У меня дядька до сих пор их слушает! Дай отнесу ему, пусть порадует старичок. – Он цапнул плакат из рук и поскреб пальцем. – Грязненький...

– Он здесь висел на стене. Понимаешь?

– Висел? – Васек шагнул вперед и задел полую куртки чашку на блюде. Чашка глухо шмякнулась о земляной пол, Васек оглянулся, посмотрел, а повернулся уже с совсем другим лицом:

– Да не, Кирь, ерунда... – Он мямлил неуверенно и глядел под ноги. – Это десятиклассники, наверное.

– Десятиклассники слушают «Смайликов»?!

Васек покачал головой:

– Правда бред. Может, от бывших хозяев остался?

– Не знаю, кто здесь раньше жил, но то, что плакат в подполе и чашка с тарелкой...

– Сектант! Конца света ждал! Они и не такое слушают!

– Тогда бы лучше замуровался и запасы сделал. А вот заложник... Мальчишка вроде нас с тобой...

Васек задумчиво ворошил ногой гору тряпья. Крыса забралась на самую вершину и шипела оттуда. Странно, что

одна. Они обычно стаями ходят.

– Слушай, что ты прикопался к этому плакату?! – Что мы вообще здесь забыли? Ну залезли, ничего интересного. Можно идти.

Что ребята забыли в заброшенном доме на самом краю деревни, они и сами толком не знали. Виной всему были каникулы и электрический апокалипсис, который длился третью неделю. Что-то, никто не знает что, случилось на станции, и вся деревня осталась без света. Не горели лампочки в туалете, не работали Интернет и телевизор. Ребята и маялись от безделья. Они уже успели подраться с половиной школы, наколоть дров, наверное, всем наличным бабушкам, а Кирия – еще и перечитать половину школьной программы по литературе. Васька все каникулы звал его в поход в лес, осень выдалась теплая. Но Кире было лень. Зато в заброшенный дом на краю деревни его вдруг потянуло со страшной силой. Как увидел, так и с ума сошел, побежал на чужих ногах, таша упирающегося Ваську. Сто лет ходил мимо этого дома, было нелюбопытно, что там внутри. А сегодня загорелся. В старых домах всегда есть какая-то тайна. Вот они и нашли на свою голову. И все из-за дурацкого электричества.

Нет, иногда электричество включали. На час или два в день. Тогда деревня вымирала: все бежали домой запускать стиральные машинки, сидеть в Интернете, да просто читать не при свечах – темнело уже рано. Сеть перегружалась, и свет опять вырубался. Так и жили третью неделю.

Кирия представлял себе, что идет война. Он откопал в кладовке еще бабушкины толстенные свечи и жег их на чердаке, читая или просто глядя в окно: не идут ли проклятые оккупанты. Если кто-нибудь подходил, Кирия целился в него из отцовской винтовки. Не заряженной, конечно, патроны мать от него спрятала давно и навсегда. В освещенном окне Кирию прекрасно было видно с улицы, и гости поначалу шараялись. А потом рассказывали матери, какого хулигана она вырастила. Мать орала, грозилась отобрать винтовку и гонялась за Кирей по дому, размахивая мокрым полотенцем. Так и коротали вечерок.

Из дома выбирались молча. Васек с плакатом впереди, за ним – Кирия. Он все оглядывался, ища собак. Куда они испарились? Если бросались на Кирию в доме – значит, считают эту территорию своей. Тогда они должны быть где-то поблизости, просто зашухарились где-нибудь в огороде.

Находка, книга или тетрадь, топорила куртку. Кирия достал на ходу, развернул ветошь...

– Что это за гроб? У моей бабушки такой!

– Там нашел... – Васек с любопытством наклонился над находкой, да Кире и самому было интересно, он таких не встречал. В руках он держал здоровенный старый ноутбук с клубком проводов и блоком питания.

– Сдох небось от сырости! – Авторитетно заявил Васек. – Аккумулятор точно окислился, сам подумай!

– А вдруг нет? Может, железо еще продать можно.

– Да кому нужен этот антиквариат!

Васек, скорее всего, был прав, но Кирия поспешно затолкал ноутбук за пазуху.

– Переберу дома, – с вызовом сказал он. – Все равно делать нечего.

Глава II. Дневник американского шпиона

Все-таки здорово идти вечером с фонарем по темной улице, где все давно тебе знакомо. Неосвещенные дома чернеют в темноте, одинаковые на посторонний взгляд, а ты по силуэту, по запаху, по голосу цепной собаки узнаешь, где чей.

Дом физички Ринпалны самый маленький в деревне и самый шумный. У нее трое детей и собак столько же, днем и ночью шум, лай. Электричества нет, а в окнах иллюминация как на праздник – свечи. Во дворе громяхают на ветру вертушки из пластиковых бутылок, а вот еще и ветряные колокольчики повесили...

Дом школьного завхоза Коляна, напротив, велик и угрюм, как спящий медведь. Только в окне сараюхи – золотое пятнышко свечи.

У Васьки три старших брата, так у него не двор, а гараж. «Волга» целая, «Волга» наполовину разобранная, мотоциклов препарированных и на ходу несчитано. Васькин дом пахнет пирогами на всю улицу, и белая кошка патрулирует периметр, шипя на прохожих как сторожевая.

А Кирин дом самый обычный. Просто дом. Он выглядит так, как положено Кириному дому: крыльцо, терраса, вишня под окнами. Из-за веток за стеклом блестит огонек свечи: отец сидит в своем кресле, читает газету. Рядом еще од-

на фигура: мать с кроссвордом, и силуэт кота торчит на подоконнике.

Звякнула цепь, из будки вылез Пират, зевая и потягиваясь. Вильнул хвостом. Киря выпустил его на ночь и пошел в дом.

Родители со своими газетами-кроссвордами ломали глаза с одной свечой. Киря достал вторую, зажег, стало светлее. Мать кивнула, типа, «спасибо», но все-таки поворчала:

– Зря свечи разбазариваешь. Мало осталось.

– В магазинах их уже нет, – поддержал отец. – Все смели. И батарейки, и свечи. А это безобразие еще неизвестно сколько продлится, – он кивнул за окно на слепой фонарный столб и уткнулся в свою газету.

– Да ладно вам!.. – Киря припрятал за спину трофейный ноутбук и попятился из комнаты.

Дома было тепло, хоть в трусах ходи: мать опять кипятила белье на печке. Киря завернул на кухню, сцапал котлету со сковородки и полез к себе на чердак. У него там и комната, и мастерская, и кабинет, и склад боеприпасов: отцовская винтовка без патронов, самодельные ножи с резными ручками и куча петард, о которых никто не знает. На столе бардак, Киря смахнул его на диван: хорошо, когда все рядом! Свечей, правда, осталось мало, а батарейки пока есть. Киря подвесил над столом карманный фонарь как лампочку и занялся ноутбуком.

Из клавиатуры вытряхнулась тонна крошек: белый хлеб,

черный, крупинки соли... Вот так сидел человек, запертый в темном подполе, пялился в ноут и ел как все. Как будто все в порядке.

– Может, он фээсбэшник был! – Киря сказал это громко и вслух, как будто себя подбадривал. – А детский плакатик – для прикрытия. Или шпион американский! Прятался такой у бабушки в подполе, гамбургеры свои жевал. А потом разъелся до двух центнеров, пробил с размаху дыру в полу и ушел, только и видели! А технику забыл второпях. Или оставил сообщнику, но тот почему-то не пришел...

Эта идея понравилась Кире, он перебирал ноут и в красках представлял, что такого секретного и важного там найдет, когда наконец дадут электричество и можно будет пошарить в шпионских файликах!

Техника сохранилась на удивление хорошо. Ничего не окислилось в сыром подполе, ничего не отошло, а то Киря уже воображал, как будет нагревать паяльник в печке. Нет, не придется, и слава богу. Он только разобрал ноутбук, сдул крошки, протер куллер и собрал обратно. Включить бы скорее...

Электричество врубали обычно по вечерам, часиков в семь-восемь. Киря воткнул ноут в розетку и стал ждать. Погасил фонарик, чтобы не тратить батарейки. Где же ты, электричество, явись!

За окном вспыхнул уличный фонарь, на столе замигала невыключенная лампа. Старый ноут оживал. Он заводился с

непривычным шумом и даже скрипом (плохо почистил куллер), а Киря от нетерпения приплясывал у стола:

– Давай уже врубайся!

Ноут грузился очень долго. На обои американский шпион поставил знакомый деревенский пейзаж: школа – его, Кирина, школа. Деревянная, одноэтажная, не похожая на городские. Вишни во дворе совсем маленькие, прутики еще. А на фоне школы – физичка Ринпална, только молодая, и три пацана – Кирины ровесники. Ринпална стоит чуть в стороне и как будто их за что-то отчитывает, лицо у нее недовольное. А эти ржут! На дворе весна, травка из грязи пробивается, вишни-прутики выпускают первые листья. Вот тебе и американский шпион!

Киря защелкал мышкой по папкам: игрушки, музыка, рефераты... Ноут точно принадлежал школьнику, возможно, даже кому-то из этих, с фотографии, – и чего Киря навоображал! Жил себе парень. Был у парня ноут, потом он его спрятал в подполе и плакатиком замаскировал. Зачем? А зачем у Кири за стеллажом тайничок с петардами? Чтобы мать не нашла. Значит, в ноуте что-то такое есть...

Текстовых файлов было мало, и все контрольные-рефераты. Но если бы, например, Киря что-то прятал, он бы назвал попротивнее и поскучнее, например «Реферат о ленточных червях», – кто ж по доброй воле полезет такое читать? Киря полез. Файл о ленточных червях был действительно про червей. И даже «Реферат по физике» не обманул. А вот вордов-

ский файл с названием «Лес» оказался странным. Парень – хозяин ноута, то ли вел дневник, то ли пробовал себя в роли писателя.

* * *

Иногда мне кажется, что ничего на самом деле не было, просто я сбрендил, и мне мерещится всякая чушь. Но я прекрасно отдаю себе отчет в происходящем и понимаю, как дошел до жизни такой. Я помню день и час, когда все началось, только боюсь, не сумею описать тот день, когда все это закончится.

Это было в начале мая, когда снег уже сошел, а лужи еще не высохли. На майские праздники Ирина-физичка потащила наш класс в трехдневный поход, обещая показать аномальную зону. Лично я не верил в это, а Толстый с Ломом вообще смеялись. На аномальную зону купились только девчонки: они всю дорогу перешептывались и травили страшные истории, одна другой глупее. Про медведя-людоеда, который якобы жил прежде в нашем лесу. Говорили, убил кучу народу, а потом их всех нашли заваленными упавшими деревьями. Прямо в одном месте. Медведь же любит мясо с душиком и сразу не ест: положит куда-нибудь и ждет, пока не запахнет.

– Чего же он эту кучу народу не съел? – спрашиваю.

– Может, их было слишком много! Медведь просто не

успевал подъедать всех, кого убил. Они ж территорию свою охраняют, медведи-то!

До аномальной зоны мы добрались под вечер. Уставшие, голодные, по уши в грязи, с одной мыслью: «Когда привал?», мы вышли на полянку, и сразу стало тихо. Птицы не пели. Три шага назад орали как резаные, извещая о наступлении вечера. А как мы вышли на полянку, так и все – тишина. Еще вокруг той полянки не было ни одного живого дерева. Сухостой – дрова для лесного пожара – окружал всю поляну рядов в пять-шесть. Как будто здесь специально распыляли яд, уничтожающий все живое. Трава тоже не росла, хотя место солнечное. Вся поляна была покрыта только сухой грязью. Мрачноватое местечко.

Девчонки зашептались, но быстро притихли. Лом шепнул: «Кладбище!» – и мы с Толстым только закивали, это и правда было как кладбище. Только холмиков не хватало и памятников... Где-то в лесу прокричала большая птица, и опять наступила тишина.

Ирина оценила наши обалдевшие рожи и спросила:

– Ну как? Я эту поляну еще в том году нашла. Главное: прошла мимо, ничего не заметила. А дома перебирала фотографии, смотрю: ух ты! Необычное место, правда?

– Про сухостой леснику сказали? – спросил практичный Толстый.

– В том-то и дело, Саша! Знаешь, что ответил лесник? «Нельзя, – говорит, – здесь сухостой убирать, молодые дере-

вья дальше гибнуть начнут!» Круг видите? Овал? – Поляна была окружена сухими деревьями. – Вот прежде он был уже. И тоже стояли сухие деревья. Их убрали – засохли следующие. Те убрали – на другой год еще ряд деревьев засох. И всегда вокруг этой поляны сухостой. Она и поляной-то не всегда была...

– Это все вам лесник рассказал? – не поверил Лом.

– Ты сейчас сам у него спросишь. Мы у него ночуем, я договорилась.

Я так подробно все описываю, потому что меня знобит, даже пальцы. И еще когда вспоминаешь, время летит быстрее и на душе легче.

До лесника мы шкандыбали еще с полчаса. Лично я устал как собака, даже ноги натер, чего со мной в походах уже давно не бывало. Девчонки ворчали, что Ирина просто придумала эту аномальную зону, чтобы нас отвлечь от усталости, и я был с ними согласен: ну сухостой, ну птицы молчат – в лесу всякое бывает!

К землянке мы подошли уже в темноте, спотыкаясь и подсвечивая фонариками лица снизу, чтобы медведь боялся. Просто одурели от усталости. Ввалились в землянку всем табором: какая же она тесная! Буржуйка, кровать, сундук, большой стеллаж с барахлом занимали почти все место. Если мы все уляжемся на полу вповалку – не поместимся. Чем Ирина думала? За столом сидел лесник и поглядывал хитро, как Дед Мороз на детском утреннике.

– Здравствуйте, ребяташки!

Мы захихикали. Наверное, не я один подумал про Деда Мороза. Лесника я знал: раз в месяц или чуть реже он появлялся в магазине, чтобы набрать полный рюкзак крупы, сигарет и чем там еще затариваются лесники. К магазину он подъезжал на лошади – а на чем еще по лесу ездить? Мы, деревенские, лошадь только и видели, что его, дядь Сашину, больше у нас лошадей никто не держит.

Ирина тут же развила бурную деятельность: посадила девочек чистить картошку, нас троих отправила за водой с напутствием: «Сбегаете и ставьте снаружи палатку, здесь мы все не поместимся». Толстый пытался протестовать: ему хотелось спать в тепле и уюте, но у Ирины разговор короткий: выгнала, пригрозив, что в следующий раз вообще не возьмет.

Мы спустились к ручейку, светя фонариками. Ноги в сапогах ныли, в лицо бросалась первая весенняя мошкара. Сразу за ручейком росли низенькие молодые сосны, должно быть, дядя Саша только насадил. И сквозь них было прекрасно видно ту аномальную поляну.

Сухие стволы серебрились и блестели в темноте. Голые ветки тянулись в небо костлявыми пальцами.

– Жутковато, а? – толкнул меня Толстый. Я засмотрелся – и чуть не упал в ручей. Взмахнул руками, уцепился за Толстого и устоял.

– Да вон как он испугался! – поддел Лом, и мне пришлось

срочно ему врезать, чтобы помалкивал. Лом, конечно, не стоял столбом, врезал в ответ, Толстый, понятно, полез разнимать...

Нас прервал крик. Жуткий, с хрипом, я ни на секунду не подумал, что это Ирина или кто-то из девчонок. Да и доносился он не со стороны землянки.

Я отпустил Лома, наступил в ручей и стал вглядываться сквозь сосны в аномальную поляну. Лом направил туда свой фонарище-прожектор – бьет на полдеревни, только у него такой есть. Освещенные мертвые стволы теперь казались черными. Ветки не шевелились на ветру, никакого движения на поляне тоже не было.

– Точно оттуда кричали? – спросил Толстый.

Мы синхронно кивнули в ответ.

– Я слышал, если потревожить покойника, он издает страшный крик.

– А-А-А-А-А! – Я кинулся на Толстого и с удовольствием уронил его в ручей.

– До утра же не высохнем! Ирина ни свет ни заря опять погонит. Я не хочу полдня ходить в мокрых штанах!

– Почему полдня? – усмехнулся Лом. – После обеда я подойду к тебе и скажу «А-А-А-А-А-А!» – и ты опять будешь ходить в мокрых штанах!

– Вы что там, утонули? – За спиной возникла Ирина и потащила нас в землянку сушиться.

У лесника была керосиновая лампа и портянки на печке.

Он как будто сошел со страниц детских сказок. Маленькую буржуйку мы с Толстым тут же завесили своими шмотками, она стояла как навьюченный осел. Ирина выдала нам по миске картошки с тушенкой, и несколько минут в землянке стояло разноголосое чавканье. Ну а потом все полезли к леснику с расспросами:

– Дядь Саш, а правда, что поляна аномальная?

– Я в суеверия не верю, я просто знаю, откуда они берутся. Там место нехорошее. Кто там заночевал, либо в ту же ночь пропадает, либо долго потом не живет.

– Почему?

– А шут его знает! Только я здесь не первый год за лесом гляжу. Что видел, то рассказываю. Полянка уж очень привлекательная: ни ветра, ни ухабов, ручей недалеко. Палатку поставить, костер разжечь – милое дело. Вот и находят ее на свою голову туристы. Лет десять назад парочка заночевала, а утром пропала – как не было. Палатка стоит – людей нет. Тогда же студенты приезжали из города: одного через месяц застрелили, про остальных не знаю. В прошлом году парень пропал из соседней деревни. Точно так же: лег спать на поляне, а утром не нашли.

– А вы сами там ночевать не пробовали?

– Днем-то я туда хожу. Деревья сухие мне покоя не дают – вредитель там, что ли, какой завелся? А ночью, детки, надо спать. – Он притушил керосинку и разлегся на огромном сундуке, как бабка из кино про войну.

Ночевать пришлось снаружи: с Ириной не спорят. Я за-супонился в спальник, чтобы один нос торчал, и наконец-то согрелся. Толстый справа от меня ворочался, как гора, Лом слева без умолку болтал о покойниках.

– Вы правда думаете, что это место аномальное, покойнички кричат, люди пропадают? Я читал о таких местах, но чтобы у нас...

– А что мы, рыжие? – возмутился Толстый.

– Может, и не рыжие. В том году две старухи из леса не вышли. В позапрошлом... Может быть, они бродят до сих пор в тех сухих соснах, а выйти не могут. Нестабильная топография, я читал.

– Не выдумывай. Тайга есть тайга. Каждый год кто-нибудь да уходит.

– А почему уходит-то, ты не думал? Эти старухи здесь тысячу лет прожили, небось каждую травинку знают...

– Это невозможно!

– Все равно. Опытный человек так просто в лесу не заблудится. Тут нужен еще какой-нибудь фактор.

– Аномальная зона с нестабильной топографией, потревоженные покойнички... Еще инопланетян приплети!

– Инопланетяне, может, и ни при чем. А такие зоны если и бывают, то на заброшенных погостах или просто местах, где кого-то убили. Мертвые не хотят, чтобы их тревожили, вот и водят-плутают, глаза тебе отводят. И ходишь как дурак в трех соснах, и не можешь выйти... Откуда, думаете, бабки-

ны сказки про лешего? Еще в древности это заметили, придумали себе объяснение: леший, мол, водит. А то не леший. То, может, покойничек, убитый сто лет назад, свежей крови хочет! – Лом взвыл и кинулся через меня на Толстого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.